

Татьяна Солодкова

ЯБЛОЧНЫЙ СНЕГ

Татьяна Солодкова

Яблочный снег

<https://litres.ru/74067648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очнулась в больнице с травмой головы и потерей памяти. «Яблочный снег» — единственное, что мне удалось не забыть. Этот десерт мы готовили вместе с мамой, когда я была маленькой. Вот только женщина, назвавшаяся моей матерью, не помнит ничего подобного.

Теперь мне предстоит выяснить, что произошло, и найти способ избавиться от назойливого призрака, который преследует меня с момента пробуждения. Главное — не отвлекаться на чувства к тому, кто, кажется, считает меня сумасшедшей.

Внимание: 1 часть дилогии.

2 часть появится на сайте 20 июля 2026.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	76
Глава 12	82
Глава 13	89
Глава 14	95
Глава 15	100
Глава 16	108
Глава 17	116
Гла	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Татьяна Солодкова

Яблочный снег

Пролог

Больно и холодно.

Запах влажного асфальта.

Откуда мне знать, как пахнет влажный асфальт?..

Пальцы сводит судорогой от боли, они безотчетно скребут по чему-то твердому и мокрому, колючие крошки попадают под ногти, застревают там.

Ах да, асфальт...

Больно...

Больно и темно, сил открыть глаза нет. В сжатых теперь кулаках талая вода. Снег?

«Яблочный снег!» — эта мысль первая ясная и невероятно громкая. Она оглушает, набатом грохочет в голове.

«Яблочный снег...»

«Яблочный снег».

«Яблочный снег!»

— Да очнись же ты! — Голос рядом принадлежит кому-то злему. — Очнись, хватит барахтаться!

Я — барахтаюсь? И правда... Значит, я... тону?

Но воды мало, она не смыкается волнами над головой,

только расплывается подо мной, пропитывая одежду. Талый снег?

Та часть сознания, которая из последних сил еще пытается соображать, основываясь на ощущениях, приходит к логичному выводу: я лежу на земле, на мокром снегу, который к тому же тает под моими ладонями... и лицом. Я лежу лицом в снегу!

Сил хватает только на то, чтобы перевернуться. В легкие пробивается свежий воздух, меня сотрясает кашель.

«Яблочный снег», — эта фраза продолжает звучать в голове, словно это что-то по-настоящему важное.

«Яблочный снег!»

— Хватит! — уже орет надо мной злой голос. Его обладатель где-то близко, очень близко, но не касается, не пытается помочь, только требует: — Да очнись же! Вставай! Ты же замерзнешь тут к чертовой матери!

Мать... Мама — точно! Мы любили вместе готовить «Яблочный снег», когда я была маленькой...

— Вставай! Встань, кому говорят!..

— Помо... ги... — шепчу непослушными губами. Теперь я лежу на спине, раскинув в стороны руки, но ни подняться, ни даже открыть глаза не могу. — Помо... — Закашливаюсь, не договариваю.

— Да ка-а-ак?! — отчего-то еще сильнее злится этот кто-то.

Слышится скрип снега и шуршание гнилой листвы. Кто-

то топает так, что мне кажется, трясется земля, я точно трясусь. И дышит — да. Громко, надсадно.

Хочу открыть глаза, но не могу. А в следующее мгновение моего лица касаются влажный холодный нос и горячий язык.

— Собачка, собачка, молодец! — радуется злой, который больше не злой. — Давай, собачка, давай, зови помощь!

И мне хочется зажать уши руками, потому что «собачка» начинает лаять громким утробным басом. Но руки не слушаются, не поднимаются.

Женский голос, затем мужской — другой, не тот, который уговаривал собаку помочь. Треск веток под ботинками, плеск луж, снова лай...

— Эй, ты, слышишь меня? Держись, не смей умирать! — кричит тот первый злой-не-злой мне прямо в ухо.

Но я больше не могу держаться, мир меркнет, звуки доносятся как сквозь толщу воды.

Завывает сирена, а внутренняя поверхность век окрашивается огоньками: синий — красный, красный — синий... По кругу.

«Проблесковые маячки», — последняя мысль.

Падаю во тьму...

Уже окончательно теряя сознание и связь с реальностью, делаю последнее титаническое усилие и приоткрываю глаза. Чуть-чуть, едва-едва.

Сквозь сетку лишенных листьев ветвей я вижу раскинувшееся надо мной звездное небо. По голым стволам пляшут

огоньки-тени от остановившейся неподалеку машины скорой.

Люди... Звуков в моем мире больше нет, только силуэты.

И сквозь того, кто склонился надо мной и что-то настойчиво мне говорит (не слышу, он просто открывает рот, как в немом кино), я почему-то по-прежнему вижу небо...

Глава 1

Луч медицинского фонарика бьет по глазам, и я инстинктивно отшатываюсь.

— Потерпите, пожалуйста, почти все, — просит седовласый доктор, продолжая осмотр.

Морщусь, но терплю. Наконец фонарь убирают на прежнее место — в нагрудный карман белого халата. А перед моим лицом появляется рука.

— Следите за пальцем...

Слежу. Сажу на кровати в больничной палате, укрытая по пояс одеялом, и послушно выполняю все указания. Голова тяжелая, будто чугунная, мутит неимоверно, и все силы уходят на то, чтобы держать тело вертикально.

— Так, хорошо, — делает какие-то выводы пожилой доктор, назвавшийся Тихоном Степановичем, и что-то записывает в повидавший жизнь блокнот.

Как гусь, вытягиваю шею, но вижу лишь характерные для всех врачей каракули.

Доктор перехватывает мой взгляд, вопросительно приподнимает густые брови цвета соли, перемешанной с перцем, и я не без труда разлепляю пересохшие губы.

— Что со мной?

Тихон Степанович в первое мгновение хмурится, но быстро спохватывается и натягивает на лицо профессиональную

улыбку.

— Ничего страшного, как я и говорил. Сильный удар по голове, сотрясение мозга. Но анализы хорошие, так что...

Не даю ему договорить.

— Почему я ничего не помню? — Мой голос звучит непривычно низко и хрипло. Мне кажется, он должен быть другим, но я не знаю, как это «привычно», — не помню. Ни черта не помню, кроме последних часов, проведенных в этой палате с тех пор, как очнулась.

Доктор качает головой.

— Подобные травмы иногда сопровождаются полной или частичной амнезией. Чаще всего это носит временный характер. Вам, Ольга, надо прежде всего успокоиться и отдыхать. Если все будет хорошо, завтра утром мы переведем вас в обычную палату.

Ольга... Меня внутренне корежит каждый раз, когда я слышу это имя. Не чувствую его своим, оно незнакомо мне, как и женщина с забинтованной головой, которую я недавно видела в зеркале.

Я ничего...

Меня начинает колотить. Широкие брови Тихона Степановича сходятся на переносице. Успев отступить от моей кровати, он снова делает шаг ко мне.

— Ольга, я прошу вас успокоиться. В вашем состоянии...

В каком таком состоянии? Что это за состояние, при котором ничего не помнят, зато видят то, чего не существует?

Сам же сказал, что в палате, кроме нас с ним, никого нет, а я и сейчас вижу худощавого парня в драповом пальто, преспокойно восседающего на подоконнике. Полупрозрачного парня в полупрозрачном пальто!

Что это? Шизофрения?

Я не хочу!

Крупная дрожь переходит в истерику со всхлипами, горло перехватывает от подступающих слез, хватаюсь руками за голову. Пальцы натываются на свежие бинты, и я отдергиваю ладони, словно обжегшись.

— Ольга! — строго повышает голос Тихон Степанович.

Но его «Ольга» только усиливает мою истерику. Я не знаю никакой Ольги. Меня зовут... меня зовут... Не помню!

Больничный браслет вдруг кажется невероятно тугим. Пытаюсь сорвать его с себя, но он не поддается, криво обломанные ногти до крови царапают кожу запястья.

Доктор откладывает свой блокнот на прикроватную тумбу и пытается перехватить мои руки. Вырываюсь. Это все бред, бред, а я нормальная, и я не Ольга, я...

— Да вколите ей уже что-нибудь, — с усталым вздохом советует полупрозрачная фигура на подоконнике, и меня накрывает новой волной паники.

Его никто не видит: ни врач, ни медсестры, — только я. А я не хочу! Я не сумасшедшая!

— Люся! — кричит Тихон Степанович, наконец поймав мои руки в захват. — Неси...

Он просит какой-то препарат, но его название заглушают мои рыдания.

— Ну наконец-то, — комментирует полупрозрачный.

Не «наконец-то»! Я не хочу! Отпустите меня!

Звук торопливых шагов, взволнованное лицо молоденькой медсестры, укол иглы и... темнота.

Продолговатые лампы дневного света едва слышно гудят. Крайняя справа немного подрагивает и не только гудит, а еще и щелкает каждые сорок секунд. Тридцать восемь, тридцать девять... Щелк! Это должно бы раздражать, но меня, наоборот, успокаивает, потому что дает хоть какое-то ощущение порядка в раскачавшемся вокруг меня мире. Ровно на счет сорок, и снова — щелк! Кажется, я могу смотреть в потолок вечно.

Лежу, укрытая до подмышек, руки безвольно вытянуты вдоль тела поверх одеяла. Медленно ползут минуты.

Что бы мне ни вкололи, действует оно потрясающе отупляюще. Мне почти хорошо. Ну и что, что Ольга, ну и что, что не помню. Главное, что правая лампа не подводит — щелкает каждые сорок секунд.

— Тебе там как, получше? — спрашивают слева.

В палате интенсивной терапии только я, хотя кроватей тут две. И вторая как раз слева от меня...

Медленно поворачиваю голову. Шея, как и все тело, слов-

но чужая, непослушная.

Он лежит на боку на кровати, застеленной белой простыней, прямо в пальто и обуви, подставив под голову согнутую в локте руку, и смотрит на меня в упор. На вид ему едва за двадцать, у него длинные светлые волосы, прямой нос, тонкие губы и то ли голубые, то ли серые глаза. Еще по-мальчишески долговязый и худой, «дрыщеватый» (не знаю, откуда всплывает это слово), он одет в вещи на пару размеров больше необходимого: растянутый свитер в крупную вязку, драпные, не по сезону джинсы, в отверстия которых отчетливо видны острые бледные колени, и... пальто.

Пальто я отметила в первую очередь. Драповое, оно кажется дорогим и как раз идеально для середины осени, но совершенно не сочетается с остальным гардеробом, особенно с летними потрепанными кедами с резиновыми носами.

Вязаный шарф обернут вокруг тощей шеи в несколько раз, один из украшенных бахромой концов отброшен на плечо, второй распластался по простыне... Вернее, распластался бы, если бы касался — на простыне ни морщинки, и вся ее поверхность прекрасно видима прямо сквозь улегшегося на нее молодого человека. Как и стена за его спиной. Там висит какой-то плакат с изображением внутренних органов и ведущих к ним цветных стрелок, и я прекрасно все это вижу — насквозь.

— Кажется, нет, — делаю очевидный вывод.

Он усмехается. Заправляет за ухо упавшую на лицо прядь

и смотрит на меня с легким прищуром.

— Спорим, мне хуже? — подмигивает.

Это выглядит комично: полупрозрачный парень парит над кроватью, делая вид, что лежит на ней, корчит гримасы и разговаривает со мной совсем как настоящий, обычный человек. И, наверное, впору бы расхохотаться от нелепости происходящего, но мне вкололи что-то, от чего совсем не смешно.

— Почему? — спрашиваю, не отводя от него глаз.

Улыбка молодого человека обретает налет грусти, а сам он с деланой небрежностью пожимает плечом.

— Потому что ты жива, а я нет.

Глава 2

Я куда-то бегу, за мной гонятся. Мое тяжелое дыхание, стук сердца где-то под горлом, скрип мокрого снега, хлопья луж под ногами, холодные брызги, впитывающиеся в брюки, блики фонарей, видимых между переплетенных, словно сеть, ветвей деревьев...

Оборачиваюсь, чтобы убедиться, что оторвалась от преследователей, но цепляюсь за что-то ботинком и падаю. Удар, грохот, будто кто рассыпал что-то металлическое по кафельному полу, и треск, треск...

Резко распахиваю глаза и рывком сажусь на постели. В первое мгновение ведет в сторону, а стены, пол и потолок приходят в движение. Но головокружение быстро проходит. Не погоня — всего лишь сон. Я все еще в больничной палате. Треск — это от сломавшейся лампы. А упало что-то, скорее всего, в коридоре.

Провожу ладонью по лицу, силясь усмирить разогнавшееся сердцебиение. Сон, всего лишь сон. Или... воспоминание?

Взгляд падает на соседнюю кровать — никого. Ни на ней, ни поблизости. Неужели и это тоже привиделось? С губ срысывается нервный смешок. Ну, Оля — или как там тебя? — фантазия у тебя под успокоительными что надо. Это же надо такое придумать — призрак в пальто. Спасибо, что не

КОНЬ...

— О, проснулась! — Вздрагиваю от неожиданности. Привидение, с которым я только что мысленно распрощалась, выступает прямо из ведущей в коридор двери, проходя ее с той же легкостью, как если бы она была не плотнее завесы тумана. Тяжело сглатываю. А он без паузы продолжает, как ни в чем не бывало: — Да ходил сплетни послушать. — Как будто я его спрашивала. — Ничего интересного, только какая-то дамочка истерит. Всех достала уже...

Сижу, вцепившись в одеяло, будто оно способно укрыть меня от моего же сумасшествия. А призрак по-хозяйски проходит в палату и занимает прежнее место на пустой койке. Правда, не разваливается на ней, как в прошлый раз, а усаживается по-турецки, подобрав под себя ноги.

— Ну, как ты тут? — Подается вперед, ближе ко мне, отчего я инстинктивно отклоняюсь в другую сторону. — Вспомнила что-нибудь?

Да быть такого не может. Я все еще сплю?

Не сводя с него глаз, отпускаю иллюзорную защиту в виде бесполезного одеяла и щипаю себя за руку в районе локтя. От души так щипаю, чтобы наверняка. Кожу простреливает болью, и я, ойкнув, накрываю пострадавшее место ладонью. Не сплю, не кажется...

— Не вспомнила, — в тон моим мыслям констатирует полупрозрачный сосед.

В этот момент в коридоре опять что-то с грохотом пада-

ет, звеня, катится по полу. Следом доносятся голоса: кто-то отчаянно спорит, срываясь на визг, кто-то бубнит в ответ. Слов не разобрать — звукоизоляция (как это всегда бывает, когда не надо) здесь отличная. Слышно только интонации: обвинительную и уговаривающую.

— Кто там? — шепчу, указывая подбородком на дверь.

Призрак закатывает глаза.

— Говорю же, истеричка какая-то буянит. Ты что, меня не слушала?

Слушала, конечно. И смотрела. И видела. И вижу...

Какого черта я его вижу?!

Вероятно, мои мысли написаны у меня на лице. Или побелевшие от напряжения костяшки пальцев, прижимающих к груди одеяло как последний оплот реальности, говорят сами за себя. Потому что объект моих рассуждений едва не подпрыгивает от возмущения.

— Да не глюк я! Глазам своим верь, а не логику слушай!

— Угу, разбежался. — Не веришь, да? — Опять подается ко мне, но на сей раз я не двигаюсь с места, только подтягиваю одеяло поближе к подбородку. Сам сказал забыть о логике, вот и буду защищаться чем есть.

То ли настоящий призрак, то ли слишком реальная галлюцинация одаривает меня придирчивым взглядом и красноречиво морщится, без слов давая понять, что думает о моем поведении. Вздыхает.

— Ладно, не веришь — не верь, пофигу. Давай ты просто

вспомнишь, кто я такой и почему я к тебе привязан, и разбежимся.

Куда разбежимся-то? Он на тот свет, а я в дурдом погостить?

По моему пустому взгляду собеседник наконец понимает, что мы с ним далеки от взаимопонимания, как берега Волги в ее самой широкой части. Тяжело вздыхает, а затем прищуривается, всматриваясь в мое лицо.

— Ты что, не помнишь, что я тебе говорил... — Вскидывает глаза к часам под потолком над дверью. — Три часа назад?!

— Смутно, — признаюсь. Но одеяло не выпускаю.

— У-у... — стонет призрак и демонстративно бьет себя ладонью по лбу. Лоб у него полупрозрачный, как и рука, тем не менее одно сквозь другое не проходит, а звук по палате разносится вполне себе громкий. — Еще раз. Вкратце. Ты — Кондрашова Ольга... э-э... — Замолкает, вопросительно скидывая на меня глаза.

— Викторовна, — буркаю. Это я запомнила — мне Тихон Степанович сказал, когда я немного отошла от истерики.

— Окей. Значит, ты Кондрашова Ольга Викторовна. Тебя нашли вчера ночью в парке с пробитой головой. А я почему-то был возле тебя.

— Почему?

— Да в том-то и дело, что я не знаю почему! — срывается на крик. — Я тоже ни черта не помню. Очнулся в парке,

вот такой, прозрачный. Кругом ночь, ты валяешься в луже, кровяца вокруг.

— Собака... — Что-то все-таки припоминаю.

Тот интенсивно кивает.

— Ну! Собака, хозяйева, скорая...

— Ночь, улица, фонарь, аптека, — бормочу, медленно разжимая пальцы и опуская одеяло на колени.

— Чего-чего? — хмурится привидение.

— Блок это, а не «чего», — автоматически огрызаюсь.

От попытки более детально вспомнить, что произошло, ломит в висках. Тем не менее, кажется, я действительно помню талый снег, боль в затылке и собаку, которая первой меня нашла и привела на помощь людей.

И голос помню. Который то орал на меня, чтобы не смела умирать, то уговаривал не сдаваться...

Егоголос.

Вскидываю на него, должно быть, совершенно круглые глаза.

— Да не глюк я! — восклицает.

И, кажется, пока я лежала, считая щелчки лампы после успокоительного, он и правда все это мне уже рассказывал. Что-то о том, что, как ни старался, не может отойти от меня дальше, чем на два метра...

Мысль обрывается, повисая разорванной нитью, — ссора в коридоре становится громче. Несмотря на хорошую шумоизоляцию, снаружи совершенно отчетливо доносится: «Я

буду жаловаться!» И еще что-то вроде «Вы меня еще не знаете», перемежающееся с неразборчивым «бу-бу-бу».

— Во дает, — комментирует призрак, тоже отвлекшийся на противостояние в коридоре.

А дверь вдруг с шумом распаивается чуть ли не на всю ширину петель, и в проеме появляется медсестра, правда, почему-то спиной вперед.

— Да жалуйтесь вы кому угодно! — кричит тому, кто остался снаружи, и, прежде чем ей успевают ответить, все с тем же грохотом захлопывает за собой дверь, отрезая звуки из коридора. Ну как отрезая — из-за двери все же доносится оскорбленный бубнеж, но слов уже не разобрать. — Со всем сдурели, — выдыхает девушка, оборачиваясь. Смотрю на нее удивленно, а она на меня — обвинительно. Я-то тут при чем? — Ваша мать, скажу я вам...

И мое сердце бухается куда-то к ногам.

— Моя... мама? — голос-предатель подводит. Моя мама там? Моя мама?

Собачий лай, блики проблесковых маячков и — теплое воспоминание о маме и десерте, который мы готовили с ней вместе...

— Ну да, ваша, — не замечая моей реакции, подтверждает медицинская сестра, та самая Люся, которая делала мне укол успокоительного, а затем ставила капельницу. — Чья же еще? Госпожа Романовская собственной персоной.

— Госпожа-а-а... — с издевкой тянет призрак.

Из-за того, что девушка его не видит и не слышит, у меня нет никакой возможности напомнить этому хаму, что после выхода из обихода слова «товарищ» в нашей стране так и не придумали другого обращения, кроме господинов. Поэтому просто игнорирую.

— Госпожа Романовская — это моя мама? — спрашиваю все еще взъерошенную после ссоры в коридоре и недовольную Люсю.

Да, это точно та самая медсестра — подходит ближе, сгрудывая на край кровати принесенный тряпичный сверток, и я теперь могу разобрать, что написано на бейдже на ее груди: «Людмила».

— Конечно ваша. Вы что, не помните? — Девушка смотрит на меня как на сумасшедшую.

— У меня амнезия.

— А, да? — удивляется Люся.

— Угу, — подтверждаю, и почему-то это звучит так, будто я извиняюсь.

Хотя кто из нас двоих должен извиняться? Она, конечно, не доктор, но разве ей не следует хотя бы заглянуть в мою карту, раз уж ее приставили к моей палате?

Видимо, нет.

— Сочувствую, — тем не менее без тени сочувствия откликается Люся и проходит к тумбочке, где своего часа дожидается тонометр. — Давайте измерим давление, и сможете переодеться.

— Да ладно, зачем? И так красиво, — доносится слева, и я возмущенно перевожу взгляд на этого болтуна.

То есть, когда я ходила в туалет в этой одноразовой распашонке с завязками на спине и голой ж... — он на меня пялился? Сзади?!

— А ты в меня вообще не веришь, — огрызается этот нахал, тем не менее смущенно отводя глаза. То-то же. Извращенец малолетний.

— Ольга Викторовна, вы меня слушаете? Куда вы смотрите?

— Простите, — спохватываюсь. — Думала, паук. Показалось.

— Ну спасибо, — оскорбляется призрак.

— Здесь не может быть пауков, все стерильно, — отрезает девушка. — Руку давайте. И не шевелитесь.

Вздыхаю и выполняю требование.

— А госпожа Романовская...

— Ваша мать.

— Да, моя мать, госпожа Романовская, чего... — Морщусь, когда манжета сдавливает плечо слишком сильно. — Чего она хочет?

— Вас увидеть, ясное дело.

— А нельзя?

— Давление хорошее... — Люся сбрасывает на шею дужки стетоскопа и тянется ко мне, чтобы снять манжету. — У нас в интенсивной — только к умирающим. А вы пока, слава

богу, не умираете.

Только схожу с ума...

Кошу взгляд на призрака на соседней кровати. Или уже сошла?

— Завтра вас переведут в обычную палату, и сразу всех к вам пустим, — уже гораздо мягче и добрее произносит девушка, то ли наконец отойдя после ссоры в коридоре, то ли сообразив, что переборщила с резкостью. — И семью, и полицию. — Полицию-то зачем? — Ну, а как вы хотели? — Задавать вопрос не приходится, Люся все понимает по моему лицу. — Вас же убить пытались.

Точно, самое главное-то я и забыла.

А потом дверь в палату снова распахивается, и на пороге появляется Тихон Степанович с будто наклеенной на лицо улыбкой. Он и раньше мне улыбался не то чтобы очень искренне. Профессионально-вежливо скорее, но не вымученно же!

Причина его натянутой улыбки гордо переступает порог и в первую очередь впивается взглядом в растерявшуюся от неожиданности медсестру.

— А вас, милочка, ждет у себя главный врач, — сообщает холодно госпожа Романовская. После чего переводит глаза на меня. — Доченька! — И, не дожидаясь ответной реакции, бросается ко мне.

Глава 3

Стоит женщине войти в палату, как я впиваюсь в нее взглядом. Невысокая миниатюрная блондинка лет... пятидесяти? Тихон Степанович сказал, что мне тридцать, значит, ей должно быть лет на двадцать больше. Но на первый взгляд не дашь даже сорока.

Не то чтобы очень красивая, скорее ухоженная, лощеная и явно не стесненная в средствах, судя по драгоценностям, сверкающим в ушах, в глубоком вырезе идеально сидящего по фигуре пиджака и на изящных пальцах с ярко накрашенными длинными ногтями, она не просто входит — несет себя и каждым шагом и жестом явно дает понять, что горе тому, кто встанет у нее на пути.

— Похожа, — выносит вердикт притихший было призрак, так же, как и я, во все глаза рассматривающий вновь прибывшую.

Похожа ли? Мне сложно судить. То бледнолицее нечто с фиолетовыми кругами под глазами и перебинтованной головой поверх тусклых нечесаных волос, которое я недавно видела в зеркале, ничем не напоминает эту роскошную женщину без возраста. Хотя, если подумать...

Я, кажется, крупнее и выше. Но овал лица, форма носа, цвет глаз и волос... Да, наверное, похожа. Впрочем, насчет волос не поручусь: если у призрака светлые не только воло-

сы, но также брови и ресницы — явный признак того, что он блондин от природы, а не по собственному выбору, — то у нас с вошедшей все не так однозначно.

— Доченька!

Происходит рокировка: Люся, припугнутая главврачом, бросается из палаты в коридор, а посетительница — ко мне.

— Оленька, милая моя! — Меня заключают в воистину удушающие объятия, при этом часто целуя — куда получается дотянуться: в щеку, в висок, в крыло носа.

— Хм-хм, — тактично покашливает в кулак Тихон Степанович. — Оставлю вас... Милена Вадимовна, только недолго, пожалуйста. Ольге нужен покой.

Госпожа Романовская его игнорирует, а я, зажатая, как в тиски, ее удивительно сильными для такой хрупкой женщины руками, адресую врачу умоляющий взгляд. Не надо нас оставлять! Сам же сказал, что мне нужен покой. А еще мне нужен воздух и дистанция, и...

Но Тихон Степанович выходит, сделав вид, что не заметил моей пантомимы.

— Грубые, нечуткие люди, — без тени сочувствия комментирует его стратегическое отступление призрака.

А мне остается только хватать губами воздух и ждать, когда меня перестанут душить.

Это ведь моя мама, правда? Я же не могу ее оттолкнуть...

— А вот тут, смотри, какая ты смешная!

И правда смешная. С фото на экране новомодного смартфона на меня смотрит темноволосая девочка с огромным бантом на макушке. Ребенок забавно надувает щеки и улыбается щербатой улыбкой — оба передних зуба отсутствуют.

Это я? Прищуриваюсь. Ну-у... если представить, что лицо немного вытянулось и похудело...

— Так и знал, что ты крашенная! — внезапно раздается голос над самым моим ухом, и я вздрагиваю всем телом, шумно втягивая воздух через крепко сжатые зубы, которые, к счастью, теперь у меня все на месте.

— Детка, ты чего? — пугается Милена Вадимовна, устроившаяся на кровати у моего бедра, и смотрит тревожно-тревожно, а я в свою очередь испепеляю взглядом нарушителя моего спокойствия. Ну какого черта так подкрадываться?! — Оленька? — в голосе госпожи Романовской искреннее волнение. — Тебе плохо, милая?

О да, мне плохо. А кому будет хорошо, когда у него из-за плеча вдруг без предупреждения высовывается призрак? Впрочем, не уверена, что, предупреди он, мне было бы легче.

— Сгинь, пожалуйста, — шепчу, почти не разжимая губ.

Если он настоящий, как утверждает, то неужели не понимает, что своим поведением выставляет меня сумасшедшей? Много я ему помогу, оказавшись в комнате с мягкими стенами?

Не понимает.

— Да с удовольствием бы, — огрызается призрак, корча обиженную гримасу. — Два метра, помнишь?

Тем не менее отлетает обратно к пустующей кровати, а я вздыхаю с облегчением.

— Оленька? Кто «сгинь»? — трогает меня за плечо Милена Вадимовна. — Кто, Оль?

Прекрасно, просто прекрасно...

Поворачиваюсь к гостье, натягивая на лицо улыбку. Таковую же «веселую», как у Джокера, полагаю, но уж как могу.

— Комар, — бессовестно вру. — Вы... — Запинаюсь. — Ты разве не видела?

— То паук, то комар, — ворчит призрак. — Ну спасибо.

Игнорирую.

— Комар? — Глаза моей посетительницы на мгновение изумленно округляются, а затем резко сужаются, превращаясь в мстительные щелки. — Ах, у них тут еще и антисанитария!

— Комар в середине октября, ну-ну, — не унимается полупрозрачный, и мне дико хочется накрыть голову подушкой, чтобы перестать его слышать. Но Романовская все еще смотрит на меня, и мне остается только бессильно пожать плечами.

Ну и что, что комар в октябре? Подумаешь. Пригрелся где-то головастик, мало ли...

— Ну, я им устрою! — В отличие от придиричивого привидения, Милену Вадимовну не интересует неправильный се-

зон для комариного нашествия, а вот испортить кому-то нервы и жизнь хочется всенепременно.

Она уже начинает подниматься с кровати с видом Терминатора, наконец-то нашедшего свою цель, и я едва успеваю схватить ее за руку, останавливая.

— Стой, не надо! — Замирает, смотрит на меня удивленно и явно не понимая. — Не надо, мам, пожалуйста, — повторяю тише, но настойчивее. И только потом понимаю, что впервые назвала эту женщину мамой.

Она тоже обращает на это внимание, вспыхивает радостным румянцем и садится обратно. Тянет меня к себе, обнимая за плечи.

— Да и черт с ними, милая, и правда. Потом с клиникой разберемся, как тебя выпишут. Главное, что ты жива и здорова, и все у нас будет теперь хорошо.

Со «здорова» я бы поспорила, но неожиданно не хочется. Как ни странно, после часа наедине (ну, почти наедине — мертвые не в счет) ее объятия больше не ощущаются неприятными. В них оказывается неожиданно тепло. А монотонное движение ладони, мягко поглаживающей меня по голове поверх бинта, даже успокаивает.

Мама... Моя мама. Как я могла ее не узнать?

Становится дико стыдно, что еще минуту назад я называла свою мать по фамилии или по имени-отчеству даже в мыслях. Всклипываю и утыкаюсь носом в плечо, пахнущее цветочным, немного приторным парфюмом. Слезы застила-

ют глаза, а я вдруг чувствую себя такой маленькой и слабой, что хоть вой.

— Ну что ты, Оленька, мы со всем справимся, ты все вспомнишь, — шепчет мама, прижимая меня к себе и не переставая гладить, а я реву белугой и ничегошеньки не могу с этим поделать.

Мне до ужаса страшно, я не понимаю, что происходит, и не помню не то что события своей жизни — саму себя не помню. И собственное имя по-прежнему ощущается как кусок лимона на языке и заставляет морщиться — потому что оно чужое, не мое.

— Ну, опять началось, — комментирует мое поведение призрак, и это действует неожиданно отрезвляюще. — Звать Люсю со шприцем?

Только не Люсю. Не хочу снова считать щелчки этой дурацкой лампы.

Шмыгаю носом и отстраняюсь. К счастью, на сей раз мама не пытается меня задушить и сразу же отпускает.

Пытаюсь стереть ладонями слезы, но только размазываю влагу по лицу.

— Салфетку? — любезно предлагает мама и, не дожидаясь ответа, уже щелкает замочком своего миниатюрного клатча. — Держи, милая. — И уже совсем другим тоном: — Совсем озверели, даже салфеток на тумбочку не поставили...

— Ничего, все уже нормально. — Кое-как промокаю сле-

зы и опять пытаюсь выдавить из себя улыбку, а то, чего доброго, в маме снова возьмет верх жажда справедливости, и она пойдет к главврачу насчет несуществующих насекомых и отсутствующих салфеток. — Давай ты мне лучше еще фото покажешь? Вдруг я что-нибудь вспомню.

— Ну наконец-то, — одобрительно ворчит призрак.

А мама смотрит на меня с сомнением.

— Точно?

Киваю.

— Точно.

Мне и так неловко, что она пробивалась сюда с боем. А тут еще выдуманные октябрьские комары...

Глава 4

Даже не верится, что я не узнала собственную мать с первого взгляда. Конечно же это она, какие могут быть сомнения? И мы действительно похожи, на фото это очевидно. Просто благодаря папиным генам я обогнала маму в росте чуть ли не на целую голову. А в остальном сходство налицо.

У мамы в облачном хранилище целый архив. Вот я маленькая катаюсь по набережной на пони в цветастой попоне. А вот я уже бунтующий подросток — с голубыми волосами и косой челкой на пол-лица — сижу в спортивной машине с открытым верхом и показываю фотографу украшенный пирсингом язык.

— Это папа? — указываю на высокого мужчину в деловом костюме, который время от времени появляется на снимках. Мама кивает. — А почему он всегда... — «при параде», «такой серьезный»? — ... в галстук? — выбираю самый безобидный вариант.

Потому что фото с мамой, как и с друзьями-ровесниками, в архиве полно. Меняются обстановка, стиль в одежде, цвета волос (и моих, и маминых, и подруг), стрижки, вес... А мужчина в костюме — всегда мужчина в костюме. Он появляется на кадрах редко, всегда хмурится, и отличие его внешности на снимках, где я малышка, от других, где мне уже лет двадцать, — только седина на висках. Даже костюмы он все-

гда выбирает темно-серые.

— Виктор — очень занятой человек, милая.

Вскидываю глаза и замечаю появившуюся на лбу у мамы морщинку.

— А вы?..

— А мы в разводе уже больше десяти лет, и единственное общее, что между нами есть, это ты, — отрезает она примерно таким же тоном, каким разговаривала с медсестрой Люсей, и я поджимаю губы. Вроде бы ничего такого, а ощущение — будто получила пощечину. — Ну что ты, Оленька, — спохватывается мама, — не дуйся, это очень неприятная для меня тема.

— Я понимаю, — бормочу, отводя глаза.

И правда, глупо обижаться на резкий тон. Сейчас же всем сложно, не так ли? Но, видимо, травма и введенные недавно препараты сказались на моей психике не лучшим образом, потому что все равно обидно и неприятно.

— А ты и понимаешь! — повышает тон мама, игриво толкая меня в плечо. — Всегда понимала. Вот вспомнишь и поймешь, что понимала!

Последняя фраза звучит так нелепо, что я усмехаюсь. Мама тоже. Становится легче.

— Мы с ним общаемся? — спрашиваю, указывая подбородком на все еще открытое на экране фото. — Он знает, что со мной случилось?

Мама снова мрачнеет, но на сей раз следит за своим то-

НОМ.

— Общаетесь, конечно. По праздникам.

Удивленно приподнимаю брови.

— Папа живет в другом городе?

— Твой папа, моя милая, живет в Чикаго. — Смотрит на меня снисходительно. — Конечно он не в курсе, что случилось. Зачем отвлекать его от дел? Он ведь все равно ничем не сможет помочь. Ведь правда?

И мне остается только кивнуть.

— Правда, конечно.

Наверное, все это из-за того, что я чуть не умерла. Люди, побывавшие на пороге смерти, часто начинают любить весь мир и всех вокруг. Недолго, пока не привыкнут, что выжили. Вот и я почему-то решила, что у меня идеальная дружная семья, только потому что «а как же иначе». Но ведь это вовсе не обязательно.

— Ой, Оленька, — вздыхает мама, видя, что я не то чтобы рада новым сведениям, — ты такая другая, что оторопь берет. — Криво улыбаюсь: не ее одну. Я вообще в панике. — Но ничего, — треплет меня по плечу, — скоро оклемаешься, все вспомнишь, придешь в себя и станешь лучше прежней.

Хмыкаю.

— Обязательно лучше?

— Необязательно, — улыбается. — Ты у нас и так самая лучшая. Знала бы ты, как мы за тебя испугались. Я полфлакона валерьянки выпила, пока Руслан не сообщил, что тебя

наконец нашли. — Хмурясь, уже открываю рот, чтобы задать вопрос, но мама продолжает без паузы: — Рус же как — позвонил, спросил, не у меня ли ты, не связывалась ли. Всех знакомых на уши поднял, коллег, потом давай больницы и морги обзванивать. — Ее глаза начинают влажно блестеть. — Ох, и натерпелись мы ужаса, Оленька. Ты бы знала!

Я-то знаю. Как минимум потому, что сама все еще в ужасе. Но сейчас меня интересует другое.

— Руслан? Кто это?

Брат, какой-то родственник, друг, молодой человек, в конце концов? Я же взрослая, неважно, что реву у мамы на плече, как маленькая девочка. Наверное, я и живу отдельно, а может, и не одна. А может...

Не успеваю додумать мысль, потому что мама смотрит на меня так, будто я сказала, что родилась на Марсе.

— Милая, ну если ты даже Руслана не помнишь...

— Маму-папу не помнит, какого-то Руслана забыть не может, — яavit притихший было на некоторое время призрак, и в кои-то веки я полностью с ним согласна.

Ничего не говорю. Просто качаю головой.

— Ну как же, Оленька? Руслан. Руслан Кондрашов — твой муж.

И у меня ощущение, что земля уходит из-под ног.

Уж не знаю, что у меня в голове после сотрясения, но по-

чему-то информация о наличии у меня мужа приводит в самый настоящий шок. Бред, конечно. Почему я могу представить у себя наличие молодого человека и даже сожителя, но удивляюсь, что состою в официальном браке? А ведь даже то, что я Кондрашова, а не Романовская, не навело меня на мысль, что я замужем...

Пока я судорожно перевариваю лишнюю информацию и с усилием игнорирую начавшего от скуки бродить по палате призрака, мама копается в «облаке».

— Свадьба, свадьба... Где-то был целый альбом... — бормочет задумчиво, пока ее изящные пальчики летают над экраном смартфона, выискивая нужную папку. — Вот, нашла! — объявляет торжественно, и я вздрагиваю, будто мне только что вынесли смертный приговор. Что за реакция, в самом-то деле? — Смотри! — В мамином голосе столько гордости, что невольно начинаю сомневаться, чья она мать: моя или моего внезапно обнаружившегося мужа. — Бери, бери. — Сует мне в руки свой телефон, и я, вздохнув, словно перед прыжком в холодную воду, кликаю по альбому под названием «Свадьба доченьки».

Мой муж, он...

— Ого, какой здоровенный! — присвистывает призрак, вновь высунувшийся из-за моего плеча и тоже заглядывающий в экран. Это успех — даже не дергаюсь.

...он большой.

То есть действительно большой. Крупный, мощный, вы-

соченный и накачанный. «Косая сажень в плечах» и так далее по списку — настоящий богатырь. Я вроде бы не коротышка, но ему едва ли по плечо. И в ширину вдвое меньше. Так что на его фоне выгляжу настоящей Дюймовочкой.

Пялюсь на фото, на котором мы с этим Русланом смотрим друг на друга влюбленными глазами, надевая друг другу на пальцы кольца в загсе, а в голове бьется нелепая мысль: «А он меня не раздавит?»

Не раздавил, понимаю, заметив внизу снимка дату — пять лет назад.

Я не просто замужем, а уже довольно давно.

Вот мы с Русланом-богатырем выпускаем голубей в парке. Вот я, умирая от смеха, размазываю ему по лицу кусок свадебного торта. Вот я кидаю букет невесты. На другом фото свежеиспеченный муж скрывается под моей пышной юбкой едва ли не по пояс, надо понимать, пытаюсь на потеху публике стащить зубами подвязку, чтобы потом швырнуть в толпу холостяков.

Смех, улыбки, поцелуи и объятия, нарядные гости, празднично украшенные локации... Это точно я. Вижу свое лицо, однако никак не могу ассоциировать эту счастливую невесту с собой.

И вдруг у меня внутри все скручивается от пришедшего в голову предположения. Вскидываю на маму испуганные глаза.

Она удивленно приподнимает брови.

— А у нас есть дети? — спрашиваю вмиг пересохшими губами.

Мысль, что меня где-то ждет испуганный малыш, которого я не узнаю и не вспомню, кажется мне настолько ужасной, что даже дыхание перехватывает.

Но мама только спокойно качает головой.

— Нет, пока нет, но вы планируете.

Она весело подмигивает, а я едва не растекаюсь лужицей от облегчения. Слава богу. Это было бы уже слишком.

— А Руслан сейчас?..

— Он на работе, — улыбается мама. И если уж в чем и нет никаких сомнений, так это в том, что зятя она любит как родного сына. — Но, если бы не Русик, будь уверена, меня бы тут тоже не было.

— Так это он... — начинаю и обрываюсь, не зная, как правильно сформулировать.

Запугал главврача и остальной персонал больницы в придачу?

— Он, он, — с гордостью подтверждает мама. — Я и так, и сяк, и лестью, и деньгами, и угрозами. А он пошел, сунул ксиву в нос и говорит: «Мужа не пускаете, так хоть матери позвольте». — Восторженно всплескивает руками. — Ты бы его видела!

Сдается мне, что, будь она мультяшкой, вокруг нее в этот момент кружились бы сердечки...

— Что за ксива-то? — подмечает в свою очередь призрак.

Бросаю на него предостерегающий взгляд, чтобы не отвлекал, и перефразирую его вопрос более нейтрально:

— Мам, а где Руслан работает?

Может, он какой-нибудь депутат, важная персона, или, например...

— Так в полиции же, — отвечает мама так, будто сама запомнила, что я ничего не помню.

Удивленно вскидываю брови. Неожиданно.

— Интере-е-есно, — комментирует в свою очередь прищурив глаз, — в убойном отделе, надеюсь? — явно намекая на то, что нашел того, кто выяснит, что с ним произошло.

Но я не успеваю задать ни одного уточняющего вопроса.

— И он в полиции, и ты в полиции, — продолжает мама, обескураживая меня еще больше.

И на сей раз маячащее возле моего плеча привидение только многозначительно присвистывает.

Глава 5

Мне срочно нужна пилочка — обломанные об асфальт ногти мешают. Не хочется поцарапать ими экран, поэтому приходится держать телефон очень осторожно.

Лица, лица... Кто все эти люди? Листаю фото за фото, но узнавания не происходит даже отдаленного. С тем же успехом я могла бы смотреть журнал с иностранными моделями, пытаюсь найти там своих одноклассников, или искать родню среди голливудских актеров. Память молчит.

Некоторое время призрак топчется рядом и упорно заглядывает в смартфон через мое плечо. Но скоро ему это надоест — он тоже ничего не помнит и никого не узнает.

А запечатленных камерой моментов действительно много. Какие-то праздники, рестораны, застолья, домашние фото, здоровенный котяра с кисточками на ушах, развалившийся на бархатном угловом диване...

Мне хочется спросить, чьи это кот и диван. Что это за мероприятие, на котором я пою на сцене в караоке, и в честь чего Руслан дарит мне цветы, стоя на одном колене в кругу аплодирующих людей. Но задать вопросы некому: выдержав паузу в час с небольшим, Тихон Степанович таки вернулся в палату, чтобы попросить посетительницу уйти. И все, чем еще мама могла мне помочь, это, уходя, оставить свой телефон.

— Дома еще парочка есть, — отмахнулась она, демонстративно стрельнув глазами в ждущего ее на пороге доктора. — Придумаю что-нибудь.

А я вцепилась в чужой аппарат как в великую драгоценность. Столько фото! Вдруг я все-таки кого-нибудь узнаю?

Но палец уже устал листать, а моя память по-прежнему молчит.

На свежих снимках больше нет папы, даже изредка. Зато много Руслана. Руслан, Руслан... Есть даже фотографии его одного, без меня. Но вместе со мной все-таки больше. И на всех мы с ним обнимаемся или держимся за руки. Постоянный физический контакт, нежные взгляды.

Кажется, мы и правда любили друг друга. Я — любила. Так почему же сейчас не чувствую даже толики симпатии, глядя на этого богатыря? Память памятью, но вкус же должен быть неизменным, разве нет? Однако, вместо того чтобы любоваться красивым мужчиной, я каждый раз ловлю себя на мысли, какой же он большой и какая я несуразно маленькая на его фоне.

На вид мы ровесники, но по габаритам будто взрослый и подросток. На фото, где моя мама с чем-то поздравляет любимого зятя, даря ему квадратную коробку, перевязанную алой шелковой лентой, она вообще смотрится рядом с ним крошкой-лилипутом. А Руслану приходится согнуться чуть ли не вдвое, чтобы позволить поцеловать себя в щеку.

Мой муж, надо же...

И словно в ответ на эти мысли, телефон вдруг начинает отчаянно звонить.

От неожиданности роняю его на одеяло, он падает экраном вниз, но звук все равно идет по нарастающей, а мощная вибрация передается кровати.

— М-м... Моцарт, — комментирует бродящий по палате призрак. — А у твоей мамы отличный вкус.

Кажется, я не специалист в музыке, потому что понятия не имею, что это за мелодия, но бьет по нервам она перво-классно.

— Ну, чего ты? Бери трубку.

Но я, вместо того чтобы что-то сделать, замираю статуей и просто смотрю на лежащий передо мной аппарат как на ядовитую змею.

— Это, наверное, маме, — говорю неуверенно.

— Или это она — тебе, — возражает полупрозрачный. — Или...

— Или она кому-то сказала, что оставила свой телефон у меня, — заканчиваю обреченно, когда все-таки решаюсь перевернуть смартфон. «Русланчик», — светится на экране.

«Оленька», «Русланчик» — ох уж эта мамина страсть к уменьшительно-ласкательным...

Но самое страшное не это. И даже не то, кто звонит. А то, что со мной пытаются связаться по видео.

Со мной же? Или все-таки с мамой? В любом случае логично принять вызов, но...

— Не ответишь? — в голосе призрака слышится неожиданное понимание. — Трусишь?

Медленно киваю, все еще испепеляя телефон взглядом. Трезвонит он так, что, должно быть, слышно и в коридоре, и в соседних палатах.

Трушу, еще как.

— Что я ему скажу-то? — шепчу, как будто вызывающий абонент может меня услышать.

— М-м... Для начала «привет», нет?

— Нет. — Качаю головой и поддеваю аппарат пальцем. Он снова переворачивается экраном вниз.

На лице призрака ясно читается, что он думает о моем ребяческом поведении. Тем не менее спорить и убеждать не пытается, только пожимает плечами, при этом держа кисти рук в карманах пальто.

— Ладно, как скажешь. Тогда хоть не сбрасывай. Мелодия красивая.

Красивая, согласна, но есть в ней что-то тревожное, и слушать мне ее сейчас точно не хочется. Уже хочу наплевать на просьбу и таки отклонить вызов, как замираю, так и не донся руку до аппарата, — у призрака такое лицо... Даже не знаю, как назвать отражающуюся на нем эмоцию. Наслаждение? Блаженство? Он слушает не просто с удовольствием, а с упоением прикрывает глаза и даже немного покачивается в такт музыке.

— Моцарт, говоришь? — бормочу, переводя взгляд с него

на телефон и обратно.

— Угу, — откликается, не открывая глаз. — Двадцать пятая симфония.

— Хм...

В этот момент звонок наконец прекращается, и привидение распахивает глаза.

— Что? — уточняет с вызовом и чуть ли не обвинительно.

— Ничего. — Пожимаю плечом. — А другие симфонии знаешь?

Смотрит на меня так, будто его спросили, знает ли он, чем отличается сахар от соли.

— Естественно, знаю, — оскорбленно фыркает и уже открывает рот, чтобы продолжить мне что-то доказывать, как вдруг обрывается. Мне даже кажется, что слышу, как у него клацает, резко захлопываясь, челюсть. А на лице появляется совершенно детское, незащитное выражение. — А ведь и правда знаю... Думаешь, я музыкант? — Глаза призрака вспыхивают надеждой.

— Или просто любитель классической музыки.

Он тут же хмурится. Видимо, быть музыкантом ему хочется больше, но и спорить уверенно пока тоже не может.

И тут телефон раздражается Моцартом снова. Лицо моего собеседника немедленно светлеет, а я с опаской смотрю на экран: опять «Русланчик», только на сей раз обычный вызов, не с видео.

Глубоко вздыхаю и все-таки принимаю звонок. Подношу

телефон к уху, но молчу. Не знаю, что говорить и как себя вести.

— Оль? — раздается из динамика настороженное. — Ты меня слышишь? Оль? — Вопреки моим ожиданиям, у Руслана вовсе не грубый бас, а вполне себе даже приятный мягкий голос. — Олька, ты там? Меня слышно? — И этот голос звучит взволнованно и очень искренне.

— Слышно, — отвечаю придушенно.

— Фух! Живая! — радуются на том конце. — Олька, ну, как ты? Чего ты молчишь?!

— Не знаю, что сказать, — говорю честно. — Просто... — Бросаю на призрака умоляющий взгляд в поисках подсказки, но тот бродит по палате, все еще держа руки в карманах, и с задумчивым видом смотрит себе под ноги. Ему не до меня — задумался о своих познаниях в музыке. — Давай потом поговорим! — выпаливаю в трубку, так и не придумав ничего лучше.

— Э-э... Давай, — явно расстраивается Руслан, но не настаивает. — Я завтра приеду, обещаю. К тебе уже пустят. — Молчу. — Потерпи немножко. — Все еще молчу. — Я тебя люблю.

— Пока, — поспешно выдыхаю в трубку и жму «отбой». Получается со второго раза: руки так дрожат, что сенсор не слушается. Черт-черт-черт.

— Олька? — успеваю услышать приглушенное, уже держа телефон перед собой, и наконец вызов прерывается.

Щекам горячо. Вот я дура, можно же было нормально поговорить. Чего испугалась?

А призрак тем временем все еще «не здесь»: расхаживает по помещению, теперь вытащив из кармана одну руку и будто бы что-то наигрывая пальцами в воздухе. Неужели действительно музыкант?

Медленно выдыхаю, пытаюсь избавиться от напряжения, и снова беру телефон в руки. Открываю браузер.

— Моцарт! — зову. — Иди сюда. Давай проверим, что ты еще знаешь.

Привидение удивленно вскидывает голову.

Пожимаю плечами. Ну, или он настоящий, или я все-таки сумасшедшая. Но я его вижу, и общими усилиями у нас больше шансов что-нибудь вспомнить, чем поодиночке.

Глава 6

Концерт с солирующей скрипкой, без труда опознанный призраком как «Осень» из «Времен года» Вивальди, заканчивается, и я нажимаю на следующий трек. Звуки фортепиано заполняют пространство, а тестируемый объект, устроивший себе насест на подоконнике напротив моей кровати, оскорбленно закатывает глаза.

— «Лунная соната»? Издеваешься? Да ее каждый школьник знает.

Придерживаю при себе информацию о том, что хотя эта музыка мне определенно знакома и, скорее всего, спроси кто меня, я бы угадала, что это Бетховен, но название вряд ли пришло бы мне в голову без подсказки. А этот, глядите-ка на него, «каждый школьник знает». Видимо, я была неправильной школьницей.

Мстительно прищуриваюсь, почувствовав некий азарт.

— А полное название?

— Соната для фортепиано номер четырнадцать, до-диез минор, опус двадцать семь номер два, — без запинки выдает этот умник, и я только хлопаю глазами, сверяясь с тем, что написано на экране. Надо же, даже опус помнит, что бы это ни значило...

— Год создания? — уточняю в надежде таки подловить его хоть на чем-то.

— Тысяча восемьсот первый, — отвечает призрак без тени сомнения, и мне остается лишь принять свое поражение.

— Кажется, ты хорошо учился, — бормочу, пролистывая предложенный искусственным интеллектом плейлист, после чего сдаюсь окончательно и сворачиваю страницу.

— Кажется, ты ничего не смыслишь в музыке, — поддевает он меня в ответ.

— В классической музыке, — огрызаюсь.

Тот корчит гримасу, но не спорит. Слишком доволен собой и тем, что удалось узнать о его прошлом хоть что-то.

Впрочем, я тоже не настаиваю. От всевозможных симфоний и концертов уже гудит голова. Поэтому я просто откладываю телефон в сторону и ложусь на спину, устремляя взгляд в потолок. Вроде бы ничего не делала, а устала ужасно — спасибо сотрясению.

В новой палате, куда меня перевели этим утром, с лампами все в порядке, ни одна не гудит и не щелкает. Зато есть телевизор, личный холодильник и целый шкаф-купе с забытыми там кем-то на дне использованными бахилами (призрак проинспектировал и доложил). Само помещение меньше из-за отсутствия второй кровати, но куда уютнее прежнего — если не знать, где ты, то можно подумать, что это комната в отеле. Палата уровня «ви-ай-пи», как не преминула сообщить провожающая меня сюда Люся.

Как по мне, без разницы, можно было поселиться в месте и попроще. Тихон Степанович рекомендовал пока не смот-

реть телевизор, а в холодильнике и в шкафу мне хранить нечего. Но я все же благодарна маме и Руслану, организовавшим мне эту больничную роскошь, — в палате на несколько человек с призраком не поболтаешь.

А так за музыкальными экспериментами время пролетело практически незаметно. Да и голова, можно сказать, больше не болит, если не делать ею резких движений и не напрягаться, пытаясь что-нибудь вспомнить. Мне почти хорошо. Почти...

— Моцарт, — зову своего прозрачного соседа, за неимением еще одной кровати оккупировавшего подоконник на постоянной основе.

— Ась? — откликается тот, за вечер и утро уже привыкший к тому, как я его временно нарекла.

— Они же скоро придут. Ну, мама и Руслан. — И, может, еще кто-нибудь. Но это не так важно — эти двое, судя по всему, мои самые близкие. — Как считаешь, это нормально, что я к ним ничего не чувствую?

— Ненормально, конечно.

Хмурюсь, продолжая пялиться в потолок.

— Думаешь?

— Уверен. Ненормально то, что ты и я ничего не помним.

И вообще эти...

— «Чертовы два метра», — заканчиваю за него, цитируя его же слова. Невозможностью отойти от меня дальше он уже прожужжал мне все уши.

— Да!

И я почему-то улыбаюсь и сейчас почти не считаю себя сумасшедшей. Да и чувство вины перед родными, которых я ни капельки не узнаю, немного притупляется. Время, мне просто нужно время...

— Моцарт, — снова зову, когда ненадолго повисает молчание.

— Угу?

— Спасибо тебе, Моцарт, что не дал мне тогда умереть.

Я думала об этом сегодня полночи, когда притворялась спящей, но сон категорически не шел. Если бы не голос этого парня, тозлой, то упрасивающий не сдаваться, но упорно удерживающий меня в этой реальности, — наверное, я бы сдалась, умерла бы в талом снегу в том парке, так и не дождавшись помощи.

— Не за что. Обращайся, — ворчит призрак, как мне кажется, немного смущенно.

— Но больше не пялься на меня, когда я переодеваюсь, — говорю строже и получаю в ответ оскорбленное фырканье. Пялился ведь, я знаю. — И не отвлекай, пожалуйста, когда заходят врачи или посетители. Лучше вообще молчи, если кто-то рядом, — потом обсудим, когда все уйдут.

Хмыкает.

— А то больницу закроет санэпидемнадзор?

Или зоозащитники — мало ли что я ляпну от неожиданности. После пауков и комаров-то.

— Пожалуйста, — повторяю.

Моцарт вздыхает, но паясничать все же перестает.

— Ладно, — обещает. — Договорились.

— Спасибо.

Выдыхаю с облегчением и теперь по-настоящему расслабляюсь. Чувствую себя почти нормальной и здоровой. Почти... Даже немного тянет в сон.

Однако мое спокойствие длится не более пары минут.

А потом дверь в палату открывается, и мне приходится вновь подняться и сесть, чтобы принимать гостей...

Глава 7

Он выглядит точно так же, как на фото. Широченные плечи, массивный подбородок, высокий рост, с трудом позволяющий протиснуться в дверной проем, не пригибая головы, бугристые мышцы, отлично различимые под свободным пуловером бледно-синего цвета.

Приведшая посетителя Света, медсестра, заступившая этим утром на смену Люсе, поглядывает на мужчину с восхищением, даже не скрывая своего интереса. Но пришедший смотрит только на меня и видит — только меня.

— Олька!

— Не забывайте, пожалуйста, что Ольге Викторовне вредно волноваться... Ой! — Светлана недоговаривает, отскакивая в сторону, а Руслан бросается ко мне и в следующее мгновение горячо выдыхает уже куда-то мне в шею:

— Олька моя...

Каменею.

Вблизи мой муж кажется еще огромнее, чем я думала. Его тело перекрывает обзор и словно прячет меня от целого мира. Тем не менее, в отличие от маминых, эти объятия очень осторожные и бережные — укутывающие, но не давящие. И горячие, да, как и дыхание.

Медицинская сестра что-то негромко бормочет, кажется, прощаясь, а потом дверной замок тихо щелкает, и на меня

устремляются пронзительные голубые глаза, под которыми расплзается абсолютно счастливая улыбка.

Тяжело сглатываю, смотря в ответ и по-прежнему не шевелясь. А широкие брови разглядывающего меня мужчины хмурятся.

— Не вспомнила?

Качаю головой. Слов нет. Мне неудобно и странно, и все, чего в данный момент хочется, это схватить одеяло, натянуть его до самого подбородка (или вообще укрыться под ним с головой), сгорбиться, спрятаться — исчезнуть.

— Боишься? — Руслан хмурится еще сильнее, не переставая скользить взглядом по моему лицу. — Серьезно, что ли?

Не боюсь. Это не то чувство.

А горячая ладонь, замершая в районе моей талии, обжигает кожу даже сквозь плотный слой выданной мне хлопчатобумажной пижамы...

— Ты не мог бы меня отпустить? — все-таки решаюсь попросить прямо. — Мне... — Неприятно и жарко. — ...немного некомфортно.

— Хм... — Руслан резко отдергивает руку, будто по ней ударили. В глазах обида и, может быть, даже боль, но его губы почти сразу вновь трогает улыбка. — Ладно, это ничего, познакомимся заново, — звучит скорее как мантра для собственного успокоения, но и мне становится легче.

— Постепенно, да, — согласно киваю и тоже вежливо улыбаюсь. Это не тот ответ и не то выражение лица, которых

он ждет, но, к его чести, ему хватает мудрости не настаивать и отстраниться еще больше.

Мужчина выпрямляется в полный рост, отступая от кровати, и, задумчиво ероша пальцами «ежик» светло-русых волос на затылке, окидывает взглядом помещение.

— Стул вон там, — подсказываю.

И это снова не то. Наверное, мне стоило бы потесниться и предложить ему сесть на кровати рядом со мной, как это делала мама. Но мама — это мама, хоть я ее и не помню. А это огромный незнакомый мужик, который при желании переломит меня надвое, и мне просто необходимо сохранять с ним дистанцию.

Хотя бы пока. Я потом привыкну, верно? Это же мой муж и любимый человек?

Но разум говорит одно, а чувства другое. И на данный момент мне не хочется с ними спорить.

К счастью, мое состояние Руслану и правда не безразлично. Он безропотно берет стул у стены, ставит его поближе к кровати и усаживается, словно на коня, сложив могучие предплечья на спинке. Ну точно, богатырь, копыта и кольчуги не хватает.

— Что? — прищуривается, вероятно, заметив веселье у меня глазах.

И мне тут же становится совестно — чего, спрашивается, пристала к его габаритам? Кони еще с копьями в голову лезут...

— Ничего, извини, — каюсь совершенно искренне.

А он кладет подбородок поверх сложенных на спинке стула ладоней (одна больше двух моих!) и просто смотрит на меня. Молча. Минуту, другую...

Хочется в него чем-нибудь кинуть или самой обратиться по-дальше — раз уж я уже отмела версию о том, чтобы спрятаться с головой под одеялом, — да хоть бы закрыться в санузле, и пусть тогда пялится на пустую кровать сколько влезет.

Но я не делаю ни того, ни другого. Только тоже смотрю в ответ. На озабоченную морщинку между бровями. На маленький, но глубокий старый шрам на виске. На небольшой свежий порез на подбородке сбоку — явно из разряда «поранился, когда брился».

На самом деле, он вовсе не страшный, и глаза у него добрые. Просто этот человек совсем-совсем мне чужой.

— Эм-м... — все-таки не выдерживаю первой. — А ты не должен меня допросить? Ты же полицейский, да? А на меня совершено нападение, и...

Руслан в ответ кривит губы. Они у него, кстати, красивые: четко очерченные и довольно пухлые, нижняя чуть полнее верхней.

— А ты что-то помнишь? — уточняет спокойно и даже равнодушно, не меняя позы и не отменяя изучающего взгляда с налетом грусти.

Моргаю.

— Нет, но...

— Ну и о чем тогда спрашивать?

А что, лучше часами прожигать глазами во мне дыру, вместо того чтобы искать того, кто меня покалечил?

Дергаю плечом, не в силах усмирить всколыхнувшееся внутри раздражение.

— Не знаю. О чем-нибудь. Надо же найти этих негодяев.

Направленный на меня взгляд наконец оживляется.

— «Негодяев»? Думаешь, их было несколько?

— Да не знаю я!

Он что, издевается?

— И я не знаю, — поддакивает мне Моцарт. С момента прихода посетителя он честно держал слово и «не отсвечивал», но тут уж не утерпел. — Сколько бы их ни было, ждатель они не стали... Ой-ей, — вдруг прерывается он, так и не договорив, и изумленно округляет глаза, смотря при этом куда-то мимо меня.

Сообразив, куда именно, поворачиваю голову: мой посетитель больше не лежит подбородком на спинке стула неммым укором. Он весь подобрался, выпрямив спину, вскинул голову и испепеляет взглядом... подоконник!

Постойте... Руслан что, тоже видит призраков?!

За секунду меня прошивает сперва волной внезапной радости («Я не одна такая и точно не сумасшедшая!»), затем — ледящей паники («Может, я все-таки сошла с ума? Как такое возможно?»). А уже в следующее мгновение понимаю, что ошиблась: нет, не видит. Потому как Моцарт тоже пыта-

ется это проверить, вытягивая руки то над головой, то в стороны и вообще всячески мельтеша на своем насесте — ничего, взгляд Руслана не мечется, а направлен куда-то в одну точку.

— Ку-ку! — снова подает голос Моцарт, продолжая свои эксперименты. — Ку-ку, мой мальчик! — Тоже мне, Фрекен Бок. — Я здесь!

Но эффекта нет, Руслан просто хмурится и вглядывается в окно. На кривляния не реагирует.

— Что там? — спрашиваю вкрадчиво.

Может, Руслан и не видит призрака, но что-то точно чувствует. Не бывает таких совпадений.

Поворачиваюсь к Моцарту.

— Исчезни, — прошу одними губами в надежде, что тот сообразит, что я хочу проверить.

Однако призрак только непонимающе округляет глаза. Мол, чего?

Да блин!

Пользуясь тем, что Руслан откровенно «завис» и все еще не смотрит в мою сторону, закатываю свои. Ну как можно быть таким непонятливым? Номера опусов Бетховена этот парень помнит, а догадаться, что я имею в виду, не может.

— Ис-чез-ни, — повторяю медленно и по слогам, тщательно следя за артикуляцией. Да догадайся ты уже!

Слава богу, наконец до Моцарта доходит. Он интенсивно кивает и... испаряется. Даже не знала, что он так умеет.

А Руслан тут же выдыхает и проводит ладонью по лицу, словно приходя в себя. Интере-е-есно-о-о...

— Ничего, наверное, показалось, — отвечает с виноватым видом.

Но я ни на миг не сомневаюсь: врет. Он совершенно точно что-то заметил.

— Показалось, или ты просто помнишь, что Света просила меня не волновать? — спрашиваю в лоб.

Хотя бы посмотреть на реакцию, проверить, как будет изворачиваться или...

Однако лицо моего мужа удивленно вытягивается и, должна признать, самым натуральным образом.

— Какая Света? — переспрашивает, опешив.

— Медсестра.

— А-а... Эта Света. — Хмурится, словно пытаюсь вспомнить, как она вообще выглядела. — Не помню, что говорила. Но твой усатый доктор правда просил тебя не тревожить.

— Тихон Степанович.

— Да, он самый, — усмехается муж, совершенно не замечая моего настроения. Только расплывается в широченной и на сей раз донельзя фальшивой улыбке, явно пытаюсь отвлечь меня от темы. — Не волновать, холить и лелеять.

Я что, совсем слепая, по его мнению?

— У тебя плохо получается, — огрызаюсь сквозь зубы, — не волновать. Не ври, ты что-то почувствовал, — киваю на пустой подоконник сбоку от себя. — Что?

— А ты?

Да господи ты боже мой, неужели нельзя прямо сказать? Потому что, если я скажу первой, все еще есть шанс, что после выписки отсюда мне светят мягкие стены и порция психотропов.

— А мне тоже могло что-то показаться, — говорю, испепеляя его взглядом. И, подумав, добавляю мстительно: — Может, паук?

Брови Руслана взлетают к волосам, и я уже праздную победу, видя, что он раскрывает рот, намереваясь что-то сказать, как дверь вдруг с шумом распаивается. На пороге — моя мама. В идеально сидящем на ее точеной фигуре белоснежном брючном костюме и с авоськой, полной апельсинов, в руках.

— Воркуете? — Окидывает нас полным умиления взглядом и приподнимает свою ношу на уровень моих глаз. — А я вам тут фруктиков принесла!

— О работе потом, — почти не разжимая губ, шипит мне Руслан, после чего встает, широко разведя руки в стороны. — Милена Вадимовна, дорогая!..

А мне остается только растерянно моргать, наблюдая теплую встречу зятя и тещи.

Работа-то тут при чем?..

Глава 8

— Он меня заметил. — Призрак, уже привычно засунув руки в карманы своего безразмерного пальто, расхаживает по палате. — Зуб даю, что заметил. Или почувствовал. Или...

— Знаю, — откликаюсь, в этот момент испепеляя взглядом успевший погаснуть экран лежащего передо мной смартфона.

— Знает она, — огрызается Моцарт. — А мне что прикажешь делать? Просто сидеть и ждать, пока ты продолжишь играть в страуса и прятать голову в песок?

— Да, просто сидеть и ждать.

— А я не хочу ждать! Я хочу выяснить, что со мной произошло. И если у твоего Руслана тоже есть способность меня видеть, то...

— Он не мой.

— А чей?.. Да неважно! Если у него...

Вчера мне казалось, что мы с призраком даже подружались, но после визита Руслана все пошло кувырком. Теперь Моцарт нервничает и нападает, нападает и нервничает. И все ему не так, и я все неправильно делаю. Бесит невероятно.

— Будь добр, заткнись, пожалуйста, — перебиваю его на середине фразы, когда экран телефона загорается, высвечивая новое сообщение.

Русланчик: «Олька, я очень рад, что ты осталась верна се-

бе и все так же любишь меня в мозг, но давай при встрече?»

Ага, при встрече. Как вчера, когда он облобызался с моей мамой и сбежал, как только понял, что запахло жареным?

И это я уже молчу, что на мое сообщение после этого ответил краткое: «Я на службе. Позже». А это самое «позже» так и не наступило.

Или он рассчитывал, что на его сегодняшнее «Доброе утро, малыш. Люблю тебя» я отвечу «Я тебя тоже» и не задам ни единого вопроса? Да черта с два.

Хотя, может, и не задала бы, но присутствие беспрестанно недовольного призрака точно не добавляет мне хорошего настроения. Я чувствую, что от меня что-то скрывают. Я знаю, что от меня что-то скрывают. А еще я наконец больше не сомневаюсь, что не сумасшедшая: как бы фантастически это ни звучало, Руслан тоже заметил привидение на моем подоконнике. И теперь я этого просто так не оставлю.

Я: «Тогда приходи и расскажи».

Русланчик: «Обязательно, котенок. Как только смогу».

У-у-у... Медленно выдыхаю воздух через сжатые зубы. Правда занят? Возможно. Но скорее всего, теперь просто-напросто тянет время намеренно.

Снова пищит входящее сообщение.

Русланчик: «Малыш, только не дуйся».

И я в раздражении отбрасываю от себя телефон. Еще это его «малыш». Малыш и Карлсон, блин!

— Что там? — вытягивает шею Моцарт.

Но я только мотаю головой и, поразмыслив, снова подхватываю смартфон с одеяла. Не нравятся мне эти уменьшительно-ласкательные. А раз уж этот аппарат на время мой, то зачем бы мне это терпеть, не так ли?

Открываю меню контакта, жму на «Изменить» и безжалостно убираю из имени суффикс «-чик». Вот так-то лучше.

— Ты с мужем? — не отстает призрак.

Дергаю плечом.

— Да, с Русланом.

В то, что он мой муж, мне все еще до конца не верится, хотя и не сомневаюсь, что это действительно так. Но все же называть его так мне некомфортно и не нравится — вот и не буду. Черт, кажется, я заразилась у Моцарта и зла на весь мир.

Новое входящее.

Руслан: «Все-таки дуешься?»

Закатываю глаза. Я разве что-то такое сказала? Нет, не дуюсь, просто психую, потому что ничего не понимаю и не помню, а кое-кто полупрозрачный все это время выедаёт мне чайной ложечкой мозг. Но позже так позже — смысл продолжать переписку, если уже ясно, что онлайн мне ничего не расскажут?

Однако господин Кондрашов явно привык к другой манере моего поведения.

Руслан: «Зая, не обижайся».

Руслан: «Ты, главное, выздоравливай».

Руслан: «Люблю тебя, малыш».

— Так сладко, что у меня сейчас сироп из ушей польется, — хмыкает Моцарт, таки не утерпев и заглянув в экран через мое плечо.

— Согласна, — отвечаю автоматически. И лишь потом реагирую на нарушение моего личного пространства как должно: — А ну, кыш отсюда. Читать чужую личную переписку неприлично.

— Пф-ф, — комментирует это призрак, тем не менее отходит и вновь начинает бродить по палате. — А тебе не кажется... — начинает, но я машу на него рукой, чтобы не отвлекал.

О да, мне кажется, что Руслан привык к моим «обидам». И хотя у меня никак не получается примерить такое поведение на себя, грех этим не воспользоваться.

Я: «Если любишь, скажи, что ты увидел на моем подоконнике».

Вот так. Пишу и тут же нажимаю на значок отправки. После чего сижу довольная как слон. Шах и мат тебе, Кондрашов. Посмотрим. Если ты купишься на такую дурацкую манипуляцию...

Руслан: «Ладно, твоя взяла. Колебание фона. Я почувствовал в районе подоконника колебание энергетического фона».

— Ох и странные у нас с тобой отношения, Русланчик, — бормочу себе под нос даже с некой толикой разочарования.

— Чего там? — любопытствует Моцарт, и на сей раз я просто поворачиваю телефон экраном к нему. — Эгей! — Пробежав глазами по строчкам, он расплывается в ехидной улыбке. — Да ты у нас та еще штучка — веревки из мужика вьешь.

Похоже на то. Но странно не это, мало ли кому какой формат отношений подходит. Странно, что мне кажется это неправильным. Ну не стала бы я на полном серьезе оперировать фразочками типа «Если ты меня любишь, то...». Детский сад какой-то. Но, судя по реакции Руслана, ничего необычного не произошло. А вот просьба убрать от меня руки действительно стала для него потрясением.

Здравствуйте, я Ольга Кондрашова, и я люблю детские манипуляции и обнимашки...

Выдыхаю и снова беру телефон в руки.

Я: «Что это такое и что это значит?»

Секунда, две, тридцать секунд... Успеваю несколько раз нетерпеливо стукнуть подушечкой пальца по экрану, когда наконец приходит ответ.

Руслан: «Нечисть или нежить».

— Э-э... — вырывается у меня. Я, конечно, всеми силами пыталась добиться ответа вроде этого, услышать что-то о призраках и полтергейстах. И все же это стало очень уж неожиданным.

— Сам он нежить, — оскорбленно фыркает Моцарт.

А телефон снова оживает.

Руслан: «Но ты не волнуйся, эманаций агрессии я не почувствовал».

Руслан: «Что бы это ни было, оно не опасно».

Руслан: «Ну вот, зайка, говорили же тебя не волновать. Испугалась, да?»

Руслан: «Ты, наверное, сама не понимаешь, что чувствуешь».

Руслан: «Но я не мастер теории».

Руслан: «Поверь мне, опасности нет. Было бы что, я бы не уехал».

Руслан: «Анжелика сказала, сама все объяснит».

Руслан: «Анжелика — это наш шеф».

Руслан: «Зая, не молчи!»

— Вот прорвало-то, — протягивает призрак, глядя на эту вакханалию в чате, и я полностью с ним согласна. То «не скажу», то «вот тебе бочка неперемешанной информации, смотри не захлебнись».

Моцарт опускается возле моей кровати на корточки, свешивает длинные руки между колен и, морща лоб, смотрит на меня снизу вверх. Мол, ну и?

А я сама не знаю, что «и». Но сдается мне, что ни в какой полиции ни я, ни мой муж не работаем.

Я: «Тогда приезжай, пожалуйста, поскорее».

Руслан: «Все-таки скучаешь?»

И куча смайликов с глазами-сердечками.

Ничего не отвечаю и откладываю от себя телефон экраном

Глава 9

— Ма-а-ам... — Пытаюсь высвободить руку. — Ну не надо, я и сама могу.

Однако ее тонкие пальчики только крепче вцепляются мне в кисть, а пилочка начинает двигаться с еще большей скоростью.

— Сама она, как же. Так же, как сама три дня молчала, что тебе нужны маникюрные принадлежности?

Тяжело вздыхаю и больше не дергаюсь. Я уже поняла, что бывают моменты, когда маму не переспоришь. Вот как сейчас: она пришла с утра, заметила мои обломанные ногти — и понеслось. И это еще врач запретил приводить сюда мастера по маникюру — она хотела.

— Или, может, как сама сказала, что тебя тошнит от всего, кроме фруктов, пока я их случайно не принесла? — продолжает бушевать мама.

Закатываю глаза. Ну да, не сказала. Не хотела жаловаться. Они же мне какое-то там VIP-меню специально оплатили. Неловко было говорить, что меня выворачивает от одного запаха предлагаемых блюд. К тому же пудинги были очень даже ничего, я и на них неплохо держалась. Яблоки мне тоже давали — грех жаловаться. И пусть принесенные мамой в тот раз апельсины и сегодняшние бананы мой организм принял весьма благосклонно и даже не попытался от них избавиться,

это вовсе не значит, что прежде я голодала.

Но мама — это мама. И если она считает себя правой, спорить с ней бесполезно.

— Или, может быть...

— Ну хватит, мам, — прошу. — Я уже все поняла, не надо отчитывать меня, как маленькую девочку.

— А ты, милая, тогда не веди себя как маленькая девочка. Надо — говори. Очень надо — требуй.

И бегай к главврачу по каждому чиху? Ну-ну...

Надо признать, пользуется пилочкой мама мастерски. Сомневаюсь, что у меня в такой короткий срок получилась бы настолько ровная форма ногтей без малейшего перекоса в какую-либо сторону. А у нее выходит ловко и быстро, будто всю жизнь этим занималась.

— Красиво получается, — говорю честно, когда она отпускает одну мою руку и протягивает ладонь, прося подать ей вторую.

Однако от моего комплимента отмахивается.

— Вот цветом покроем, тогда будет красиво. Эх, бюрократы... Ну чего им, спрашивается, стоило пропустить специалиста с лампой для сушки? — Инстинктивно дергаю руку на себя, но мама вновь вцепляется в нее мертвой хваткой. — Чего ты, милая? Что тебе опять не так?

Это *мне* опять не так?

— Не надо цветом, — говорю. — Я же в больнице все-таки.

— И что? — Мама искренне не понимает.

— И правда, что? — начинает ржать на подоконнике Моцарт, и я одариваю его осуждающим взглядом. Ну договоривались же, а он опять за свое. — Да ладно ты, она же не чувствует это — как его? — колебание магического фона.

Энергетического, балбес.

Но да, не чувствует, зато я все вижу, слышу и отвлекаюсь, привлекая внимание. А про пауков и комаров маме лучше больше не заикаться — она и так поскандалила сегодня с Тихоном Степановичем из-за запрета на визит маникюрщицы.

Бросаю взгляд на часы над дверью: уже перевалило за полдень.

— Мам, а когда Руслан придет, не знаешь?

Пилка замирает, а мама вскидывает ко мне лучащиеся счастьем глаза.

— Уже соскучилась по нему, да?

Осторожно пожимаю плечом.

— Не то чтобы. Он просто кое-что мне обещал.

— Цветов, наверно, принесет, — тут же делает свой вывод мама и вновь принимается за дело. — Ничего, ничего, мы сейчас тебя так прихорошим, что не стыдно будет любые подарки принимать. А может, колечко, а?

— Э-э... — тянет Моцарт, в общем-то, целиком и полностью разделяя мою собственную реакцию.

— Нет, мам. Руслан обещал кое-что рассказать. Зачем мне сейчас колечки?

И цветы, и крашенные когти — туда же. Меня сегодня не стошнило от банана — вот она, радость и моя маленькая победа.

Мама неодобрительно качает головой, стрельнув в меня глазами.

— Колечки, милая, они никогда не лишние.

На ней самой, к слову, сейчас надеты сразу штук пять. И все с довольно крупными камнями. Мне кажется, это должно быть ужасно неудобно, но она ничего — управляется с пилкой и моей рукой очень ловко.

— Ну, может быть, — соглашаюсь, чтобы ее не расстраивать.

— Может, может, — усмехается в ответ, видя мою неуверенность в последнем утверждении. — Мужиков всегда надо держать в тонусе.

— На подарки, в смысле, разводить? — хмыкает Моцарт.

Игнорирую его, а мама продолжает пилить мой ноготь и ворковать:

— Русланчик у тебя, милая, вообще чудо. Добрый, щедрый, верный...

— Не то что мой отец? — Пилка проходится по моему ногтю со скрежетом и замирает. А я поджимаю губы. Ну зачем я это лягнула, кто тянул меня за язык? — Мам, прости, я не это хотела сказать...

Она одаривает меня обиженным взглядом, а затем передергивает плечами, словно пес, отряхивающийся после ку-

пания, и вновь расплывается в улыбке. На сей раз немного хищной, с вызовом.

— Нет, хотела. — Вскидывает подбородок. — И да, ты права. Твой папочка — та еще сволочь. И пусть тебе это тоже будет уроком: не трясла бы я с него в свое время подарки, жила бы сейчас в хрущевке и ездила бы на трамвае.

— А сейчас?

— Что «сейчас»? — Мой вопрос сбивает с нее воинственный настрой, кажется, ставя в тупик.

— Не на трамвае?

— Ну конечно нет! — Ее красивое лицо даже перекашивается от этой неприятной мысли. — На машине с водителем, естественно.

— Хм, может, твой отец и сволочь, но щедр, — присвистывает Моцарт, и я резко поворачиваю к нему голову.

«За-ткнись», — транслирую свою мысль убийственным взглядом.

Тот гримасничает и изображает, как закрывает рот на невидимую молнию.

Мама же тем временем, закончив, убирает пилочку в сумочку и встает с кровати. Уперев руки в боки, осматривает палату с видом полководца, вышедшего на холм, под которым столпились враги.

— Значит, так, — решает, — хватит о мужчинах. Пора заняться по-настоящему женскими делами!

Ох, что-то мне уже не по себе...

— Эпиляцией, что ли?

Фух, ну благо Моцарт не подводит, своей дурацкой шуточкой выводя меня из оцепенения.

А мама уже вынимает из принесенного ею пакета, на время забытого на стуле, какой-то флакон.

— Будем мыть голову и делать прическу! — заявляет торжественно.

— Слушай, а она у тебя не работала в салоне красоты, пока не пересела в машину с водителем? — выдвигает новое предположение призрак.

И мне надо бы сказать ему, что он не должен говорить о моей маме в подобном хамском ключе, но я, наоборот, киваю, соглашаясь.

Уж слишком яростный энтузиазм читается у нее в лице.

— Может, не надо? — жалобно бормочу, инстинктивно хватаясь за одеяло.

— Надо, Оленька, надо. Русланчик заслуживает самого лучшего.

Моцарт бессовестно ржет.

Мне же все-таки приходится подняться с постели и пойти с мамой в ванную.

«А я чего заслуживаю, интересно?» — думаю по пути, но так и не задаю этот вопрос вслух.

Глава 10

От насильственного превращения в красавицу меня спасает очень своевременное появление Люси, которая мало того что запрещает мне полноценно мыть голову (под повязкой у меня, оказывается, несколько швов на затылке), так еще и сообщает, что скоро прибудет полиция для допроса о случившемся (главврач уже согласовала).

Мама ругается и вымещает разочарование на опять попавшей ей под горячую руку медсестре. А я выдыхаю с облегчением — экзекуция отменяется.

В итоге Люся сбегает, провожаемая обещанием, что работать ей здесь осталось недолго. А мама удовлетворяется тем, что помогает мне помыть лишь те волосы, которые грязными сосульками спускаются из-под повязки на плечи. Теперь они мокрые и вкусно пахнут, а еще, когда высохнут, должны стать послушными и шелковистыми, если верить надписи на этикетке шампуня.

— Мам, ты бы полегче с Люсей, — говорю, когда та, не слушая моих возражений, сама принимается просушивать мне волосы маленьким жестким полотенцем.

— Ну вот что им стоило фен и нормальные условия организовать... — Прерывается, смотрит на меня как на сумасшедшую. — В каком смысле полегче? Ты бы видела, как эта хамка вела себя со мной в первый день. А тут, гляди-

те-ка, строит из себя саму любезность. Нет уж, я все помню. Пусть скажет спасибо, если отделается жалобой ее начальству и всего лишь увольнением, а не заявлением в прокуратуру и запретом на профессиональную деятельность.

Какие-то уж очень наполеоновские планы. И из-за чего? Из-за того, что существует регламент, по которому посещение пациентов в палате интенсивной терапии запрещено?

— Зачем? — Искренне не понимаю. — К чему затевать скандал?

— Чтобы проучить!

Второе «зачем» не повторяю, но мне неуютно и неприятно.

Я помню, как мама кричала тогда в коридоре и сыпала вокруг угрозами направо и налево. Да и сегодня обращалась вовсе не уважительно не только с ненавистной ей Люсей, но и с Тихоном Степановичем, который старше нее лет на двадцать. Зачем так себя вести, для чего? Она же сама лезет в бутылку, сама провоцирует на пустом месте, когда можно спокойно поговорить...

— Ой, Оленька, ты прямо как в детстве, — со вздохом качает головой мама, наконец отстав от меня с полотенцем. — Синичку жалко, воробушка жалко...

— А потом я выросла и перестала быть такой... жалостливой? — Смотрю на нее в упор.

— Ну конечно. — Мама все еще не понимает. — Да что с тобой, милая? С чего такое лицо?

И правда. Все ведь прекрасно, не так ли?

Дергаю плечом и отвожу взгляд.

— Ничего. Все нормально.

Мама же недовольно хмыкает, а потом вдруг протягивает руку и хватает меня за подбородок, вынуждая поднять голову.

— Нет, милая, так не пойдет. Ну-ка говори как есть, чего ты там еще удумала?

А меня внезапно накрывает до кровавой пелены перед глазами. Надменный тон, взгляд свысока, да еще и этот пренебрежительный жест...

Не спеша, словно в замедленной съемке, поднимаю руку и кладу ладонь на ее запястье. Сжимаю пальцы.

— Никогда больше так не делай, — говорю тихо, но предельно серьезно.

Мама ахает и отдергивает от меня руку, будто на нее плеснули кипятком. Смотрит обиженно.

— Оленька, я же любя. Я тебя не узнаю, милая.

— Какое совпадение, — бормочу себе под нос и разворачиваюсь, возвращаюсь обратно в палату.

За спиной гневно стучат острые каблучки.

— Ну уж нет, Ольга Викторовна, мы не закончили! — Вот как, значит? Слово против — и мы уже по имени-отчеству? Не оборачиваюсь. — Оля! Я с тобой разговариваю!

И я уже готова взорваться и наговорить действительно лишнего, как дверь, ведущая в коридор, вдруг открывается.

— Ольга Викторовна, полиция приехала, — сообщает Люся и спешит ретироваться из поля зрения моей и без того разъяренной матери.

А в палату, совершенно для меня неожиданно, входят сразу четверо: Руслан, незнакомый мне темноволосый мужчина — примерно его ровесник, девушка с цветными дредами на голове и с пестрым букетом цветов в руках и... высокая тонкокостная женщина неопределенного, но точно не юного возраста, с иссиня-черными волосами и орлиным носом над ярко-алыми губами. Такая по уходу за собой способна дать фору даже моей маме. Только мама придерживается образа нежной принцессы (пока не начинает скандалить, ага), а эта скорее Злой королевы — прекрасной, но опасной, о чем говорят и ее резкие, чеканные черты лица, и цепкие темные глаза.

Должно быть, потому что женщина входит в палату первой, я смотрю на нее дольше и пристальнее, чем на остальных. А она — на меня. И не понять, враждебно или просто оценивающе. Потом уголки ее губ разочарованно ползут вниз. Что сказать? Это она меня еще до мытья волос не видела.

— Ой, сколько вас! — быстрее меня ориентируется мама, тут же позабыв о Люсе и расплывшись в самой что ни на есть любезной улыбке. — Здравствуйте! Добро пожаловать! Русланчик, дорогой, и ты здесь! — Сложно не заметить того, кто из-за своих внушительных габаритов еле протиснулся в

дверной проем.

Однако «дорогой Русланчик» не то чтобы рад, что я оказалась в палате не одна.

— Милена Вадимовна, — кивает он теще без прежнего энтузиазма и весьма красноречиво скашивает глаза за Злую королеву.

Но мама то ли несильна в невербальных посылах, то ли просто предпочитает прикинуться дурочкой, когда ей это выгодно (предполагаю, второе), и остается на месте, продолжая улыбаться.

Правда, недолго.

Брюнетка одаривает ее равнодушным взглядом.

— Добрый день, госпожа Романовская...

— А мы с вами разве знако... — начинает мама, но закончить не успевает.

— ...Капитан Кондрашов, проводите посторонних из палаты, будьте так любезны.

Мама от возмущения теряет дар речи. Руслан мучительно краснеет. А Моцарт начинает бессовестно ржать.

Тоже недолго.

Потому что черные глаза Королевы тут же останавливаются на нем, сужаясь в опасные щелки.

Глава 11

— Да нет его здесь, в коридор смотался, — сообщает все еще не знакомый мне мужчина, только что внимательно исследовавший подоконник.

— Ой, а тут и вазы нет, — расстроено произносит девушка с дредами, все еще прижимая к себе букет.

— Анжелика Борисовна, зря вы так с Миленой Вадимовной, — в свою очередь переживает за тещу Руслан.

Но вся штука в том, что заговаривают все трое одновременно. И так же одновременно замолкают под укоризненным взглядом Злой королевы.

После чего темноволосый, пытающийся отыскать Моцарта, равнодушно пожимает плечами. Достает из кармана джинсов смартфон, опирается о подоконник бедрами и теряет к происходящему интерес, уткнувшись в гаджет.

Девушка опускает взгляд и печально гладит белые и оранжевые лепестки то ли гербер, то ли просто крупных ромашек.

Руслан вздыхает и закладывает руки за спину, проходясь взглядом по помещению с явным выражением «а я что, я ничего» на лице.

А Королева наконец устремляет свой хищный взгляд на меня.

— Привет, Оль. Правда ничего не помнишь? — спраши-

вает неожиданно мягко, совсем другим тоном, чем разговаривала с мамой.

— Привет... — неуверенно повторяю за ней. Что ни говори, такое панибратское обращение неожиданно. — Не помню. — Качаю головой.

Женщина хмурится, и я почти уверена, что услышу сейчас нечто неприятное, но она только вздыхает.

— Ну, значит, давай знакомиться, — провозглашает совершенно спокойно. — Рус, подай стул, будь любезен. Разговор будет долгим.

— Это Агата Зотова, — устроившись на стуле неподалеку от кровати, где сижу я, начинает Злая королева, она же Анжелика Борисовна. — Агата?

— А... Да... — Девушка, словно проснувшись, отрывает взгляд от букета, который все это время качает в руках, и скидывает голову. — Привет, Оль. — И снова смотрит глазами, полными вселенской тоски, на цветы. — А если их куда-то в ванную? Жалко. Завянут же.

Кажется, для нее это важно.

— Конечно, — киваю. — Можешь зайти. Посмотри там...

Хочу сказать «что-нибудь подходящее», но не договариваю. Лицо Агаты тут же светлеет, и она, не дослушав, бросается в ванную. Только успевают мелькнуть в зазоре между косяком и дверью подол ее длинного вязаного платья да фи-

олетовые нити, вплетенные в дреды.

Вот это любовь к цветам!

Перевожу растерянный взгляд на Руслана как на того, с кем я знакома дольше всего. Но Кондрашов только пожимает могучим плечом, мол, она такая, это нормально.

Л-ладно...

— А это Павел Елагин, — продолжает Королева, тоже явно не впечатлившись порывистостью любительницы растений.

И я послушно поворачиваю голову к мужчине у окна. По сравнению с Русланом он просто миниатюрный, но на самом деле довольно высокий, просто больше жилистый, чем накачанный. Черные джинсы, черная же водолазка, короткая стрижка. Лет тридцать пять. Не урод, не красавец — обычный, можно сказать, ничем не примечательный и самый не привлекающий своей внешностью внимания из всего пришедшего по мою душу квартета.

Впрочем, он и сам не слишком внимателен к окружающим. Продолжает что-то лениво скроллить в телефоне и никак не реагирует на то, что его назвали по имени. Призрак интересовал его гораздо больше, чем я, к которой он, собственно, и пришел.

— Паша! — повышает тон Анжелика Борисовна.

Однако тот и не думает отвлекаться от своего занятия.

— Угу, — откликается коротко и, не глядя в нашу сторону, приподнимает руку ладонью от себя. Здоровается, зна-

чит.

— И тебе привет, — бормочу себе под нос и снова поворачиваюсь к своей, надо понимать, начальнице.

— А я, — продолжает она, видя, что вновь завладела моим вниманием, — Анжелика Борисовна Старолевская. Для своих — просто Анжелика.

Надо же, она даже умеет доброжелательно улыбаться. Но у меня все равно от нее мороз по коже. Сидит, покачивает лакированным ботильоном на металлической большущей, словно гигантский гвоздь, шпильке, а мне упорно кажется, что еще минута — и залепит мне этим каблуком промеж глаз.

— А я, — спрашиваю прямо, кое-как заставив себя не смотреть на покачивающийся «гвоздь», — «своя»?

Замечаю, как губы Елагина кривятся в сардонической усмешке.

— Конечно своя, Оль, — заверяет меня Руслан. Каким-то мистическим образом он умудрился подобраться ко мне поближе и теперь успокоительно кладет горячую ладонь на мое плечо.

Не успокаивает. Наоборот, мгновенно напрягаюсь, но не дергаюсь: просить собственного мужа не трогать меня — при свидетелях точно плохая идея.

— Своя, — подтверждает слова Руслана Анжелика, смотря на меня в упор. — Естественно, своя, Оль. Ты важная часть команды, одна из нас.

Звучит так, будто мы все члены какой-то секты, а не сослуживцы.

Анжелика смотрит на меня, явно ожидая какой-то реакции.

Руслан теперь не просто держит ладонь у меня на плече, но и ласково поглаживает по нему, чем невероятно отвлекает.

Агата еще в ванной, и теперь оттуда отчетливо слышен шум бегущей из крана воды.

Елагин — в телефоне.

Моцарт — до поры до времени схоронился где-то в коридоре.

И я решаюсь, спрашиваю в лоб:

— Вы не из полиции?

Анжелика прищуривается.

— Не «вы», а «мы». Из нее, но не совсем.

Понятнее не стало.

А Королева поднимает глаза к Руслану и кивает в мою сторону.

— Покажи ей удостоверение.

Свое она, что ли, не носит? Но спросить ничего не успеваю: мне на колени ложится красная корочка.

«МВД России»... Открываю. «Капитан полиции Руслан Евгеньевич Кондрашов, оперуполномоченный, ОБЭП».

Аббревиатура смутно знакома.

— Э-э... Экономические преступления? — Кажется, что-

то припоминаю.

— Почти. — Губы Анжелики трогает ироничная улыбка. — Сейчас так называется только один отдел — отдел по борьбе с эзотерическими преступлениями. Но, да, прежнее название «экономистов» служит нам неплохим прикрытием.

— Э-э... — очень «умно» повторяю я. — Какими преступлениями?

— Эзотерическими, — бесстрастно повторяет Злая королева, которая таки решила добить меня словами, а не шпилькой ботинка. — В нем служат люди с особыми способностями. Такие, как ты.

В этот момент дверь ванной комнаты распахивается, и на пороге появляется довольная Агата.

— Я шампунь вылила, ничего? — Демонстрирует мне флакон со срезанным горлышком, в котором теперь красуется ее букет. — Тебя ведь выпишут скоро, а они завянут.

Первая мысль: маму хватит удар. Вторая: как бы от таких новостей удар не хватил меня.

— Ничего, — отвечаю с заминкой.

Шампунь мне точно не жалко.

Глава 12

— Моцарт, — зову, выглядывая в коридор.

— Девушка, у нас не предусмотрена музыка, — буркает проходящая мимо медсестра, и мне приходится смущенно поджать губы и кивнуть.

— Моцарт, зайди в палату, — на сей раз заговариваю, только убедившись, что сотрудница учреждения отошла достаточно далеко.

— Да щас, — фыркает мой призрачный друг. Он стоит, подпирая стену и обиженно скрестив руки на груди, и смотрит на меня как на предательницу. — Я слышал, о чем вы говорили. Они хотят меня развеять без суда и следствия.

Хотели. Потому что неуспокоенные души — это опасно, и при обнаружении их надо «зачищать». Но потом мы выяснили, что все, кроме меня, видят призраков как нечто мутное и бесформенное, то ли сгусток тумана, то ли облако, а некоторые вообще просто чувствуют, что неживое где-то рядом.

Качаю головой.

— А сейчас они хотят поговорить. Я не должна тебя видеть, но вижу. Это странно. — И еще страннее, что раньше, до травмы и потери памяти, у меня каких-то особенных способностей не наблюдалось. — И двухметровая привязка к живому тоже.

— Пф-ф, — закатывает глаза Моцарт и не двигается с ме-

ста.

— Ты хочешь выяснить, как умер, или нет? — понижаю голос до шепота, когда в конце коридора появляется мужчина в белом халате. Кошу глаза в его сторону. — Или поговорим еще — и вместе поедem в дурку?

— Это называется психоневрологический диспансер.

— Поумничай еще, — уже шиплю, почти не разжимая губ. — Тоже мне, музыкант-психиатр.

Щурится, смотрит недоверчиво.

— Ну же! — От нетерпения топаю босой ногой по полу.

— У вас там все в порядке?! — Идущий в нашу сторону доктор ускоряет шаг.

Дарю ему извиняющуюся улыбку и скрываюсь в палате.

К счастью, Моцарт летит за мной.

— Ничего необычного не вижу. — Наконец расставшийся со своим телефоном Елагин обходит Моцарта, который стоит посреди помещения, по кругу. — Обычный дух. Довольно сильный, плотность высокая.

— И я не вижу, — бросает через плечо Агата.

Цветы категорически отказываются стоять вертикально, и флакон из-под шампуня постоянно заваливается на бок под их весом. Поэтому девушка присела на корточки возле прикроватной тумбы и уже минут пятнадцать безуспешно борется с гравитацией. — Обычная тучка. Но незлая.

— Еще какая уже злая, — ворчит Моцарт, тем не менее стоя на одном месте и позволяя себя рассматривать.

— Руслан? — Анжелика как главный судья переводит взгляд на Кондрашова.

Тот пожимает плечами.

— Только колебания. Как обычно. Вот сейчас сильнее.

— Он заговорил, — подсказываю, но на меня, сидящую на кровати, никто не обращает внимания.

— Я тоже, — выносит вердикт начальница, и я не понимаю, с кем из высказавшихся она соглашается. — Но опасности не чувствую. Безобидный.

— Ну спасибо!

— Моцарт, — шикаю на него. Он что, не понимает, что эти люди на самом деле способны его развеять в любой момент?

А взгляды присутствующих останавливаются на мне. Правда, Елагина недолго.

— Я свое мнение сказал: можно оставить пока, — говорит Павел и вновь отходит к окну, достает телефон.

— Зайка, а почему Моцарт? — недоумевает Кондрашов.

— Потому что Бетховеном уже называли собаку! — огрызается призрак.

Я прыскаю от смеха, но тут же становлюсь серьезной под озадаченными взглядами Анжелики и Руслана.

— Мы думаем, он музыкант.

— Был, — буркает Моцарт.

— Был музыкантом, — повторяю за ним.

Переглядываются, на лицах сомнение.

— Я не сошла сума, — считаю своим долгом прояснить.

— Я действительно его вижу и разговариваю с ним. Это парень, лет восемнадцать-двадцать, натуральный блондин, волосы ниже плеч...

— Паш, запиши, — приказывает Анжелика.

— Уже пишу, — откликается Елагин, не меняя позы, и не поймешь, правда он записывает мои слова или общается с кем-то в мессенджере.

На всякий случай повторяю:

— Волосы ниже плеч, прямые, светлые. Нос прямой, глаза серые, губы тонкие, бледные, лицо узкое, удлиненное. Одет в бордовый свитер, серое пальто и голубые драные джинсы. На шее шарф. На ногах — кеды. Обычные летние, черные с белой подошвой.

— Записал. — Видимо, Павел все-таки слушал. — Спрошу у убойного.

— И в списках пропавших без вести! — вытягивает в его сторону шею Моцарт.

— Думаю, они разберутся, — говорю.

— Надеюсь, — вздыхает призрак.

— А пока что? — вмешивается Руслан. — Я, конечно, вижу, что оно безвредное...

— Сам ты «оно», — обижается Моцарт.

— ...но Ольку выпишут только через несколько дней. А

если ничего не сделаем, то мы и домой с ним поедем. Как-то не нравится мне, что с ней так долго будет *это*.

— Давай хотя бы звать его Моцартом, — прошу, заметив, как призрак морщится от использованного в его адрес слова.

— Зай, он мертвый, — осторожно, как дурочке, мягко-мягко.

— Я знаю.

— Анжелика? — Руслан переводит взгляд на начальницу, явно прося его поддержать.

— Паша? — та в свою очередь переадресует вопрос.

— Без разницы. Поискать по описанию и так сможем.

— А если Моцарт сам что-нибудь вспомнит? — возражаю.

Елагин пожимает плечом.

— Тогда он сильно облегчит нам жизнь.

— Я против его уничтожения, — настаиваю.

— Зай, это не уничтожение, а... э-э... экспресс-доставка в мир иной. — Руслан пытается меня приобнять, но я отшатаываюсь.

— Я — против, — повторяю упрямо. — Если мы найдем его убийцу, он сам уйдет. Ведь так?

Кондрашов трет в затылке.

— Ну-у, да. По идее.

— Если он тут застрял не из-за какого-то невыполненного дела, — равнодушно вставляет Павел.

Анжелика опасно прищуривается, словно рентгеном про-

свечивая место, где стоит Моцарт. А тот замолчал, напрягся, втянул голову в плечи, будто ожидает обещанную экспресс-доставку в любой момент.

Честно говоря, я тоже, и мне это не нравится.

— Давайте не торопиться, — прошу.

— Можно поискать информацию о таких случаях общения с духами, — предлагает Агата, наконец заканчивая бой с букетом, привалив его к стене. — Ну и сами можем внести вклад в исследования. Это интересно.

— Я против, — машет головой Руслан.

— Мне по барабану, — Елагин.

— Жалко, если он разумный. И может быть полезно, — опять Агата.

Остается дело за Анжеликой.

Та все еще смотрит на притихшего Моцарта, клоня голову с боку на бок.

— Хотела бы я сказать: «Оля, под твою ответственность». Но какая у тебя пока ответственность...

— Если что-то пойдет не так, я скажу, — обещаю и, чувствуя, что проигрываю, делаю ход конем: — Руслан, пожалуйста, для меня это важно. — Поднимаю глаза на мужа и строю жалобную рожицу.

— Ну-у, — ожидаемо начинает сомневаться Кондрашов. — Я не знаю... Зай, зачем рисковать?

А зачем сразу уничтожать то, что непонятно?

— Никакого риска. Я сразу же тебе скажу, если что-то

пойдет не так. Да и ты сам почувствуешь.

— Хорошо, не будем торопиться, — внезапно встает на нашу с Моцартом сторону Анжелика. — Рус, присмотри. Агата — информация. Паша...

— Убийный отдел, — заканчивает за нее Елагин. — Понял уже. Поехали, что ли?

Глава 13

Мне кажется, я помню этот город: еще совсем новые стеклянные высотки и тут же — старинные приземистые здания, трехполосные широкие дороги, сменяющиеся узкими одно-сторонками. Яркие вывески, рекламные баннеры...

Мне даже чудится, что вон то кафе, которое мы только что проехали, раньше называлось «Мармеладка», а вовсе не «Ешь и иди», как сейчас. Помню запах выпечки и вкус клубничного лимонада...

— Как-как? — переспрашивает Руслан, когда я озвучиваю свои мысли. — «Мармеладка»? Не знаю, зай, никогда там не был.

А я? А я была? Или это игры воображения, и не было никакого лимонада?

Больше ничего не спрашиваю, складываю руки поверх пересекающего грудь ремня безопасности и вновь поворачиваюсь к окну. Город продолжает проноситься мимо.

Кондрашов — хороший водитель: никаких резких движений или неожиданных перестроений, скорость не низкая, но и без превышения, выбоины и искусственные неровности проходим мягко. С ним приятно ехать, и я почти расслабляюсь. Снова «почти».

Я рада наконец покинуть больницу, ставшую мне домом на целую неделю. Но вот-вот мне предстоит увидеть свой на-

стоящий дом, и это вызывает во мне коктейль из слишком противоречивых чувств: с одной стороны, неизвестное волнует и пугает, а с другой — дает ощущение щемящего сердце ожидания, как в детстве, когда разворачиваешь новогодний подарок.

Говорят, дома и стены лечат. Так, может быть, там я что-то вспомню? Смогу стать прежней?

Или нет... Но не попробуешь — не узнаешь.

— Ты чего притихла, зай? — осторожно спрашивает Руслан.

Надо отдать ему должное, он в принципе со мной осторожен и очень терпелив. Навещал каждый день, не давил и ни к чему не принуждал — просто заботился и был рядом.

Я же все эти дни честно пыталась к нему привыкнуть. Пока успех незначительный, но я над этим работаю.

А еще мне не хочется его расстраивать — он ведь старается.

Поэтому отворачиваюсь от пронсящегося мимо пейзажа и улыбаюсь. Кондрашов, оторвавший взгляд от лобового стекла, тут же зеркалит мою улыбку. Да что там, от того, что я ему улыбаюсь, он разве что не светится изнутри.

— На дорогу смотри, — говорю мягко. — Со мной все хорошо, просто задумалась.

Руслан кивает и отворачивается, но уголки его губ все еще приподняты, а от глаз веером расходятся веселые мимические морщинки.

— Ты же видишь, что он от тебя без ума, да? — подает голос с заднего сиденья Моцарт.

В ответ только чуть смежаю веки, соглашаясь, — Кондрашов нервничает, когда я при нем общаюсь с тем, кого он не видит и не слышит.

Впрочем, то, что мой муж влюблен в меня по уши, понимаю и без подсказки. Хорошо бы и мне вспомнить былые чувства, иначе несправедливо — нечестно, и все.

— Дом, милый дом! — в этот момент провозглашает Руслан, проезжая под поднявшимся перед нашим автомобилем шлагбаумом. — Добро пожаловать, как говорится!

Моцарт сзади присвистывает:

— А вы хорошо устроились!

И я снова улыбаюсь, но на сей раз скорее вымученно, чем радостно, и смотрю на явно элитный жилой комплекс, который, по ощущениям, вижу впервые в жизни.

Закрытая территория, огромная парковочная зона, ухоженные лужайки и выложенные цветной плиткой дорожки, приветливая консьержка, зеркальный просторный лифт...

Мы живем на пятнадцатом этаже, и пока поднимаемся, мне стоит большого труда не рассматривать себя в зеркальной панели. Вид у меня болезненный, синяки под глазами никуда не делись, скулы заострились, а лицо осунулось. Мама обещала быстро меня откормить, а Руслан, придя этим

утром в мою палату, сказал, что без бинта на голове я и так просто красавица. Но мое отражение меня пугает. И вовсе не из-за перечисленной «красоты», а потому что я все еще не могу привыкнуть к собственной внешности.

— Почти приехали, — шепчет Кондрашов мне на ухо, опалая кожу дыханием. — Потерпи.

И я терплю, хотя меня так и тянет от него отстраниться.

Ну что за ерунда? Мне бы обнять его и спрятаться от пугающих зеркал на широкой груди. Но всякий раз, стоит ему приблизиться, мне становится неуютно, а потом стыдно — за неадекватную реакцию на собственного мужа.

Господи, пусть я поскорее все вспомню!

Дурные мысли оставляют только тогда, когда мы входим в квартиру. Потому что она...

— Классная! — восхищенно восклицает Моцарт, обгоняя меня в прихожей и первым врываясь внутрь.

Классная, да. Не огромная, но точно не тесная и очень уютная. Помня о любви мамы пускать пыль в глаза, да и насмотревшись на территорию ЖК, я опасалась найти тут... даже не знаю... античные вазы и позолоченные унитазаы? Но нет, все очень стильно и одновременно просто. Или здесь поработал талантливый дизайнер, или у нас с мужем отличный вкус.

— Нравится? — спрашивает замерший за моим плечом

Руслан.

— Очень, — отвечаю искренне.

А он усмехается.

— Это ты все выбирала, — с гордостью. За меня.

Губы сами собой растягиваются в улыбке. Тут и правда здорово — светло и просторно. Так, как я всегда будто и хотела. А я, получается, и хотела, и сделала!

Сбросив обувь, в полном восторге прохожусь по кухне-гостиной, выполненной в бежевых нейтральных тонах, веду пальцем по нагретой солнцем каменной столешнице...

— Наконец-то ты по-настоящему улыбаешься, — Кондрашов сам расплывается в улыбке от уха до уха. Подходит и обнимает меня.

Мгновенно напрягаюсь, но, прикусив губу, так, чтобы он не заметил, давлю в себе это чувство. Я привыкну, привыкну...

— Оль, ты чего? — Руслан убирает волосы от моего лица, чтобы заглянуть в глаза. Аккуратно заправляет их за ухо. — Все же хорошо? — Наклоняется, чтобы получше меня рассмотреть.

— Хорошо. — Выдавливаю из себя улыбку, а потом, как перед прыжком в холодную воду, выдыхаю и обнимаю мужа в ответ, прижимаюсь щекой к теплой груди. Слышу, как громко колотится его сердце. — Спасибо, что забрал из больницы и привез сюда. И вообще...

Крепкие руки мягко сжимаются на моей спине, а губы ка-

саются макушки.

— Зай, это твой дом — наш, — твердо говорит Руслан.

И я почти уверена, что так оно и есть. Почти.

Глава 14

Отмокаю в ванне не меньше часа. Моцарт спрятался. Руслан возится на кухне — готовит сюрприз, сам сказал. А я просто лежу под одеялом из пены и впервые за эту бесконечную неделю не думаю ни о чем. Ну, почти...

Заправив влажную прядь за ухо, замираю на миг, так и не донеся руку до воды. Забавно. Что это за странный вид амнезии, при котором даже собственные пальцы и те кажутся незнакомыми? Не покидает ощущение, что они должны быть длиннее, а ногтевая пластина другой формы. Что это еще за игры воображения?

Кручу кистью и так и эдак, подхватываю пену, растираю между подушечек. Зря, на самом деле, вредничаю, у меня красивая рука, с тонким, даже изящным запястьем и правильной формой пальцев. Пожалуй, мне можно работать в каком-нибудь «Магазине на диване» и со спокойной совестью рекламировать кольца.

Дурацкая мысль, но она меня отчего-то веселит, а настроение поднимается. Что ж, если выгонят из полиции, которая не совсем полиция, я уже придумала себе новую профессию.

— Оль? — внезапно раздается голос совсем рядом, и я от неожиданности чуть не ухожу с головой под воду.

— Моцарт, блин! — Отплеываюсь, потому что успела схватить губами пену. — Ты совсем сдурел? А ну, вон отсю-

да!

Просила же не заходить, когда я в ванной, в туалете или переодеваюсь. Должны же у меня быть личные границы, в конце концов.

— Да не ори ты, я предупредить, — заговорщически шепчет этот наглец, правда, не показывается сам. Из стены он, что ли, вещает, полтергейст бесстыжий?

— О чем предупредить? — не понимаю.

В этот момент распахивается дверь.

— Зай, тут твоя мама...

И на сей раз я плюхаюсь в воду с головой намеренно. С ума все, что ли, посходили? Я же голая!

— Оля! — Чужие руки хватают меня за плечи, силой доставая из моего укрытия. — Ты чего? Тебе плохо? — И для полного счастья еще и встряхивают.

Кое-как промаргиваюсь, вижу над собой встревоженное лицо мужа и ехидную физиономию возвышающегося за его плечом Моцарта.

— Вот об этом, — саркастически произносит призрак и испаряется.

А я опускаю взгляд: густая шапка пены достает до ключиц. Фух, повезло.

— Оль? — Кондрашов все еще тревожно вглядывается в меня, рук не убирает, видимо, боится, что отпустит — и я снова пойду ко дну.

— Все нормально, — кое-как выдавливаю из себя улыбку.

— Это я от неожиданности. Испугалась.

— Меня. — В голосе Руслана нет вопросительной интонации, а между бровей появляется глубокая озабоченная морщинка.

Ну, не Моцарта же...

— Не тебя, — вру, чувствуя, как мучительно краснею. — Просто... — Веду плечами, и он, наконец догадавшись, что не так, убирает руки.

Выдыхаю с облегчением. А Кондрашов, до этого стоящий перед ванной на коленях, медленно поднимается в полный рост. И у него такое лицо...

— Руслан, подожди! — До меня доходит, что я зашла со своей «недоотрожностью» слишком далеко, только тогда, когда он все так же медленно, будто преодолевая толщу воды, разворачивается и на негнущихся ногах делает шаг к двери. — Я не хотела тебя обидеть! — Приподнимаюсь в инстинктивном порыве его догнать, но сообразив, что полотенце и халат висят на крючках на противоположной стене, оседаю обратно. — Вот черт... — Не бежать же за ним в чем мать родила?

Кондрашов останавливается, оборачивается. Смотрит... ой, да понятия не имею, как он смотрит и что думает. Подозрительно, будто не узнавая. Что не так-то? То, что это я кричу ему «не обижайся», а не он мне, как обычно?

— Извини, — прошу, еще больше смутившись и запутавшись.

А Руслан шумно выдыхает и излюбленным жестом ерошит волосы на затылке.

— Так я... это... — Убирает руки в карманы джинсов, которые так и не сменил на что-то домашнее, и тоже смущенно тупит взгляд. — Чего заходил-то...

— Мама твоя звонила, — подсказывает Моцарт, высунувшись из стены, и тут же прячется обратно, стоит мне показать ему кулак.

От всплеска воды вскидывает голову и Руслан, а я поспешно опять опускаю руку под пену.

— Мама моя звонила, да? — выдаю, подозреваю, с самой идиотской улыбкой на свете. — Скажи, что я перезвоню!

Господи, мне хочется провалиться сквозь землю. Сначала пытаюсь утопиться, лишь бы мой родной муж не увидел то, что видел миллион раз. Потом бледнею, краснею и жду не дождусь, когда он уйдет. Затем почти бросаюсь вслед, забыв про стеснение и одежду. После чего извиняюсь и начинаю лучиться фальшивым оптимизмом. Да меня такими темпами упекут в дурку не из-за общения с призраками, а за неадекватное поведение!

Руслан, к слову, смотрит на меня соответствующе. Будто уже не знает, что я выкину следующим: кинусь на него с кулаками или станцую посреди ванной канкан.

Невинно взмахиваю мокрыми ресницами — сама понятия не имею.

— Э-э... — наконец отмирает Кондрашов. — Так что ска-

зять Милене Вадимовне?

— О чем?

— Она хочет приехать.

— Сейчас?

— Сегодня на ужин.

И будет меня откармливать, красить и завивать, как грозились?

Склоняю голову набок.

— Может, не сегодня?

Честное слово, ни на что не намекаю. Я просто устала, еще не до конца отошла от травмы, хочу побыть дома в тишине и немного прийти в себя.

Но Руслан явно видит в моих словах двойное дно, и оно ему нравится. Его лицо озаряет предвкушающая улыбка.

— Как скажешь, зай, скажу, что заедем потом сами.

И прежде чем я успеваю сказать, что это не то, о чем он подумал, донельзя довольный Кондрашов исчезает за дверью.

— Вот же черт, — шепчу себе под нос, а потом сползаю по бортику ванны в воду.

Пена смыкается над головой.

Глава 15

— Ой, а чем это пахнет? — спрашиваю, заходя в кухню-гостиную. Хочется сказать с энтузиазмом, но, как ни стараюсь, голос подводит, а желудок сводит неприятным спазмом.

Руслан же старался, что-то готовил... Это должно быть вкусно, не так ли? Наверное...

Но мой подлый организм реагирует на стелящийся по помещению запах точно так же, как на котлеты и супы, которые мне предлагали в больнице — хочет бежать к унитазу.

Улыбка повернувшегося на мой голос Кондрашова стекает с его лица, как будто в него плеснули водой.

— Не нравится? — Край противня, который он держит в руках, опасно наклоняется, норовя познакомить лежащие на нем стейки с полом.

Автоматически бросаюсь вперед, чтобы помочь удержать. И, естественно, хватаюсь за раскаленный металл голыми руками. Руслан-то в варежках для горячего.

Вскрикиваем одновременно. Я — от боли. Кондрашов от испуга за меня.

Противень с его содержимым с грохотом летит на пол.

— Трындец, — ошалело комментирует эту сцену Моцарт.

Сижу на диване, всеми силами стараясь перестать всхлипать. Но мерзкие слезы продолжают лить из глаз, словно прорвало плотину.

Руслан, щедро обработав мои ладони мазью от ожогов, теперь обматывает их бинтом.

Моцарт с деловым видом изучает место происшествия за барной стойкой, которая отделяет кухонную зону от остального помещения.

Да уж, как он очень точно выразился — трындец. Причем полный. А я, оказывается, еще и плакса. И меня воротит от запаха мяса. Напрасно я грешила на последствия сотрясения и некомпетентность больничного повара: меня тошнит именно от мяса — точка.

— Не плачь, зай, скоро пройдет, — утешает меня Руслан, как маленькую девочку, и даже пытается подуть на раненую конечность. Еще бы леденец на палочке предложил.

— З-знаю, — выдавливаю сквозь очередной всхлип.

Прекрасно понимаю, что это просто ожог. А мазь холодит, и уже не настолько больно. Но проклятые слезы продолжают лить.

— Ты у меня сильная и смелая, ты...

— Да прекрати уже! — не выдерживаю. Кондрашов изумленно вскидывает голову. — Не надо меня жалеть. Я сама виновата.

— Пятно останется, — докладывает тем временем Моцарт о результатах своих исследований. — Вон скол в ламинате.

нате. А там вон даже прожгло...

В ужасе перевожу на него взгляд.

Он скорбно кивает, что я все правильно поняла.

И тогда я начинаю реветь еще сильнее. Это нервы, гормоны? Припадок?

— Зай? — спрашивает Руслан так осторожно, что мне становится еще хуже. — Чего сделать-то?

А мой желудок снова скручивает мучительным спазмом, и я прикрываю нос тыльной стороной запястья.

— Мясо, — прошу, — убери.

Ну что сказать? Первый ужин дома явно не задался. Зато мы выяснили, что я теперь вегетарианка.

— Читаю вот, пишут, что и такое бывает после сотрясения. — Поворачиваюсь к Руслану, и он приподнимает смартфон, показывая, чем занят. — Не паникуй, зай. После травм и болезней у некоторых вообще меняются предпочтения в еде.

— Угу. — Выдавливаю из себя вымученную улыбку и делаю новый круг по помещению. Уже, наверное, сотый.

Я ранена, и Кондрашов не подпустил меня к уборке. Сам все собрал и вымыл, и от мяса тоже избавился — вообще вынес из квартиры, но вернулся быстро, так что, подозреваю, спустил в мусоропровод.

Жалко. Не мясо, конечно, а зря потраченных усилий. Он

же так старался, готовил, как сам сказал, мою любимую мраморную говядину, а я все испортила.

— Я заказал вегетарианскую пиццу. Скоро привезут! — Кондрашов снова взмахивает телефоном, как волшебной палочкой.

А я вздыхаю и, обняв себя руками, делаю по комнате еще один круг.

— Сто лет не видел на тебе этот свитер. Где ты его нашла? Пожимаю плечом.

— В шкафу.

Мне свитер понравился. В моем гардеробе оказалось очень много платьев и нарядных блуз с весьма откровенными декольте, и стоило больших трудов найти что-то скромное и не вызывающее. А то это уже какое-то извращение — просить мужа пока повременить с близостью и вываливать грудь на стол.

— Хороший, — продолжает Руслан. — Ты в нем такая домашняя.

И его жадный взгляд ясно говорит о том, что я просчиталась — глухой ворот не помог.

Молча киваю и захожу на новый круг. Кондрашов все так же стоит в кухонной зоне, опершись локтями на барную стойку, и копается в телефоне, время от времени бросая на меня весьма заинтересованные взгляды.

— Зай, а...

— Это Павел Елагин?

Заговариваем одновременно и одновременно же замолкаем. Руслан, отмахнувшись от того, что сам хотел сказать, уступает мне первенство и вытягивает шею, пытаюсь понять, о чем я.

— А-а, — протягивает, разглядев. — Да, Пашка.

На стенке-горке, занимающей почти всю стену гостиной, стоит множество фотографий. Я их сразу заметила, но только теперь обратила внимание, что в рамках не только мои и мои с Русланом снимки.

На фотографии, напротив которой я остановилась, трое: я, совсем молоденькая и почему-то ярко-рыжая, Кондрашов, тоже совершенный птенец, а потому больше нескладный, чем огромный, как сейчас, и темноволосый парень, в котором я смогла распознать нашего коллегу далеко не сразу.

— Надо же, — удивляюсь, — он умеет улыбаться.

Ну, то есть он и улыбался, конечно, в тот единственный раз, когда я его видела. Но только саркастически. Потом меня еще раз навещала Агата, приносила цветы и апельсины, звонила Анжелика, справлялась о моем состоянии и обещала отпустить Руслана в небольшой отпуск, чтобы я могла прийти в себя по возвращении домой. А вот Елагин больше не объявлялся, и не сказать, что я была этим огорчена. Судя по его поведению, решила, что мы друг друга недолюбливаем.

А вот в прошлом — непохоже.

На снимке я стою посередине, а парни обнимают меня

с двух сторон. У обоих рот до ушей. Смешные, веселые, юные...

— Пашка-то? — не понимает, что я имею в виду, Кондрашов. — Конечно, умеет. Но иногда он тот еще бука, угу.

— Я заметила, — бормочу, продолжая рассматривать фото. — А где это? — За нами какое-то поле с низкой уже пожухлой осенней травой. На нас — одинаковые комбинезоны цвета хаки. — И что это за форма?

— Так это учебка.

— Что? — Не понимая, оборачиваюсь.

Руслан трет бровь мизинцем, нелепо отставив остальные пальцы.

— Ну-у, как тебе объяснить, чтобы не вдаваться в дебри...

— А ты вдавайся.

— И я послушаю, — откуда ни возьмись появляется Моцарт и нагло усаживается на краю барной стойки.

Кондрашов тут же напрягается.

— Опять он здесь... — Косит глаза в сторону призрака.

— Здесь, — киваю. А потом подхватываю с полки рамку с фото и сажусь на диван, подогнув под себя ногу. — Ему тоже интересно. Рассказывай.

Объяснять что-то привидению Руслану явно не хочется. Но он только вздыхает, уступая.

— Ну, в общем, Анжелика же говорила про наш отдел...

— Да, что такие подразделения полиции есть во всех крупных городах и кандидатов в них тщательно отбирают по спо-

собностям и чувствительности к энергопотокам. — У нас в городе его только открывали. Саму Анжелику перевели из Москвы, сказали набрать штат. Вот она и набрала.

— Нас?

— Сперва нас, потом других.

— Таких юных? — С сомнением смотрю на снимок.

— Ну, а каких? Школу закончили, как раз идти учиться.

Вот и пригласили... э-э... на учебу.

— То есть мы ровесники?

— Не. Пашка старше. Успел в армию сходить. А это мы в учебке под Питером на спецполигоне. Туда всех наших возят.

— Ясно, — киваю, неосознанно проводя пальцем по лицу Елагина на фото. Надо же, такой хорошенький тут. В жизни и спустя десять с лишним лет он не показался мне даже симпатичным.

Кондрашов прищуривается, следя за моим действием, и я отдергиваю руку, как школьница, которую застали за чем-то неприличным.

— Он тебе какую-то гадость успел ляпнуть, да? — неверно истолковывает мою реакцию.

Качаю головой.

— Ничего такого.

— Слушай, не обращай внимания, Пашка может, но он не со зла.

И тогда приходит черед прищуриться уже мне.

— Вы близкие друзья?

Руслан усмехается.

— Ближе некуда!

А потом привозят вегетарианскую пиццу, от которой меня ни капельки не тошнит. Мы быстро едим, и... я говорю, что хочу пойти спать.

Долгое мгновение глаза в глаза.

— Одна? — с каким-то надломом уточняет Кондрашов.

— Пока да.

— Динамо, — комментирует мое решение уже порядком замаявшийся от безделья Моцарт.

Согласна. Но пока так.

Глава 16

— Да, Пах, понял... угу... — Кондрашов ведет автомобиль и разговаривает по телефону. Через гарнитуру, конечно же, он примерный водитель. — Угу... Борода... Угу...

Некоторое время пытаюсь прислушиваться, но безуспешно. Поэтому отворачиваюсь к окну.

Ночью намело снега чуть ли не по колено. Основные дороги уже расчистили, но стоило свернуть с трассы на проселочную, пришлось ползти по сугробам. Хорошо, что у Руслана высокий джип — настоящий вездеход.

— Красотища! — восклицает Моцарт на заднем сиденье.

— Да, — соглашаюсь негромко.

Влажный снег облепил уже совсем лишившиеся листьев ветви деревьев. Шапками лег на крыши виднеющихся вдалеке домов. В коттеджном поселке, в который мы направляемся, они все покрыты ярко-красной черепицей. Белое на красном — контрастно и красиво. Все вокруг искрит белизной и переливается на солнце.

— Ну и далеко же забралась твоя маман. — Моцарт вытягивает шею, продолжая рассматривать окрестности. — Но оно того стоит. Живописно — жуть!

— Мама, — говорю.

— Что?

— Мама, — повторяю строго. — Не «маман».

— Пф-ф. — Призрак закатывает глаза. — Обидься еще. Пожимаю плечом. С чего мне обижаться?

— Просто некрасиво.

И Моцарт неожиданно смущенно отводит взгляд.

Мои губы трогает улыбка: он иногда такой трогательный, ну сущий ребенок, даром что вымахал чуть ли не вровень с Кондрашовым. Правда, порой хамит и вредничает, тоже как ребенок, и мне ужасно жаль, что кто-то не дал ему возможности повзрослеть.

— Ты чего приуныла? — замечает он мой настрой. — В гости не хочешь?

— Хочу, — не слишком-то умело вру. Будь моя воля, осталась бы дома или погуляла бы по свежему снегу. Но мама еще вчера предупредила, что очередного отказа не примет и на сей раз не простит. А уж ссориться с ней мне точно не хочется. Это же мама. Даже если у нас с ней не так много общего.

— Угу, хочет она, — и не думает верить призрак и вдруг переключается: — Как думаешь, а у меня есть мама?

И как она пережила известие о смерти своего сына...

— У всех есть мама, — говорю, малодушно стараясь на него в этот момент не смотреть.

— Или была, — буркает Моцарт.

— Или была, — соглашаюсь.

А у меня она точно есть, и мне становится стыдно за то, что я действительно к ней не хочу.

Автомобиль подпрыгивает на искусственной неровности, въезжая в ворота поселка. Дежурный на КПП салютует нам из окна каморки как старым знакомым и не останавливает.

— Ага, понял. — Кондрашов взмахивает рукой, на мгновение отрывая ладонь от руля, чтобы поприветствовать охранника, и продолжает телефонный разговор: — Ну, тогда ждем. Ольке передам. Агате привет... — Ему на том конце что-то отвечают, и он усмехается. — Не, Энжи не надо, а то еще отменит мой отпуск — и будет мне «привет». — Удивленно приподнимаю брови: «Энжи»? Что-то мне подсказывает, что полковник Старолевская вряд ли одобряет настолько панибратское отношение. — Угу... Пока.

Наконец Руслан сбрасывает вызов и сдергивает гарнитуру с уха, убирает в карман куртки.

— Елагин? — уточняю.

— Узнал что-то обо мне? — тут же вклинивается между нами Моцарт.

Кондрашов не видит его, но чувствует. От неожиданности дергает руль, и автомобиль идет юзом, уходит в сторону и замирает буквально в паре сантиметров от мраморного вазона, установленного возле одного из заборов.

Только теперь понимаю, что во время маневра затаила дыхание, и шумно выдыхаю.

Кондрашов матерится так, что я шире распахиваю глаза — ого как витиевато загнул.

— Еще раз так сделаешь!.. — Руслан резко разворачива-

ется к заднему сиденью, грозя пустоте кулаком. — Развею без согласования к чертовой матери!

Моцарт испуганно шарается, влипая полупрозрачными лопатками в спинку кресла. И лишь через секунду приходит в себя и оскорбленно задирает нос.

— Развеет он, как же. «Энжи» его за самоуправство по головке не погладит.

Значит, тоже обратил внимание на то, как Кондрашов называл начальницу. Тайком усмехаюсь и уже открыто делаю призраку страшные глаза: ну зачем нарываться-то?

— Достал, — ворчит Руслан, похоже, за злостью скрывая собственный испуг, и поворачивается ко мне. — Ты как? Перепугалась?

Вид у него как у рыцаря, готового сию же минуту спасти свою принцессу из лап озверевшего дракона.

— Не особо, — заверяю. — Не ругай Моцарта, он не со зла.

— Не со зла, угу, — скептически откликается Кондрашов и переключает передачу, сдает задом, возвращаясь на дорогу. — А дорогу расчистили как попало...

— Там лед под снегом, — подсказываю, глаза в окно.

— И не посыпали, — все еще злится Руслан. — Сейчас доедем — позвоню...

— Так что Елагин? Узнал что-нибудь про Моцарта?

— Да! Что узнал? — вторит мне неугомонный призрак, правда, на этот раз мудро не нарушает дистанцию.

— Не узнал. — Кондрашов морщится и качает головой — тоже расстроен. Вряд ли ему так уж не безразлична судьба Моцарта, а вот отделаться от него как можно скорее он бы не отказался. — Пашка спросил у ментов. Не было в последние две недели ни одного убийства, где бы жертва подошла под описание... Э-э... Ты чего так смотришь? — Снова отвлекается от дороги.

А я и правда смотрю. Ошарашенно, должно быть.

Потом хмурюсь.

— «У ментов»? — переспрашиваю. — А мы сами разве не?..

После «презентации» Анжелики Борисовны во время ее визита в больницу мы не то чтобы обсуждали службу. Да, работаем. Да, отдел по борьбе с эзотерическими преступлениями. Ну, и звания у них (у нас) полицейские, как и документы...

— А-а, — отмахивается Руслан, наконец-то расслабляясь и растягивая губы в улыбке. — Только официально.

Понятнее не стало.

— То есть ты все-таки не настоящий капитан полиции?

Усмехается.

— Ты, кстати, тоже капитан.

Отлично, но это не то, о чем я спрашиваю.

— Ну а как нам зарплату начислять? — продолжает улыбаться Кондрашов, при этом его тон становится снисходительным. Нет, не насмешливым, а именно снисходительным,

будто я не головой стукнутая, а глупышка по жизни, а он умудренный опытом старец.

Хмурюсь сильнее, но он не замечает моей реакции, на сей раз внимательно следя за дорогой.

Мимо плывут одинаковые высокие заборы с однотипными припорошенными снегом вазонами, вроде того, который мы чуть было не снесли.

— От полиции у нас одно название и финансирование. Государство нас ценит и оплачивает наш труд, но, как говорится, не мешает теплое с мягким. Анжелика, правда, любит для красного словца козырять званиями, — смешок, — потому что ей самой очень нравится быть целым полковником. Но к обычным ментам мы больше никоим образом. Да и знают про наш отдел только, так сказать, избранные.

— Тыфу ты, а я-то думал... — разочарованно тянет Моцарт.

Согласна, у меня примерно те же эмоции. Неужели нельзя было сразу все объяснить как положено?

Бросаю взгляд на призрака сзади и снова поворачиваюсь к Кондрашову.

— То есть когда Елагин собирался узнать что-то у убойного... — Задумчиво опускаю взгляд на сложенные на коленях руки и тут же вновь вскидываю на собеседника глаза. — Так что же, и доступа к полицейским базам у нас нет?

— Нет, зай, — дергает могучим плечом Руслан. — Узнать у убойного — это значит вежливо спросить. У Пашки там

кто-то знакомый. Энж... хм... то есть Анжелика может в крайнем случае запросить по-настоящему официально, но...

— Но это для нее не крайний случай, — бормочу себе под нос, обреченно откидываясь затылком на подголовник.

Почему все эти дни я думала о любви-нелюбви к мужу, о нашей квартире, об отношениях с мамой, но мне даже не пришло в голову как следует расспросить об этом загадочном ОБЭПе? Ведь одно упоминание о спецполигоне под Питером сразу после школы должно было навести на мысль, что все гораздо запутаннее, чем кажется. Не навело.

Глазам становится горячо. Ужасно хочется извиниться перед Моцартом. Надо было самой прошерстить интернет, поискать информацию. В конце концов со дня нападения на меня и, вероятно, с момента его смерти прошло две недели — в новостях могло что-то быть.

— Зря понадеялись и время потеряли, — вторит моим собственным выводам призрак, и мне становится его еще жальче.

— Олька, ну ты чего? — Руслан наконец замечает выражение моего лица и успокаивающе (нет!) кладет свою огромную горячую ладонь на мое колено поверх джинсов. — Пашка сказал, еще спрашивает. Агатка тоже что-то поищет, как будет минутка. У них там без нас сейчас загруз, сама понимаешь.

— Понимаю, — говорю твердо, смагивая глупые слезы. — Сама поищу.

Меня выписали из больницы, я больше недели отдыхала дома, пытаясь прийти в себя, — все, пора вытаскивать голову из песка и заняться делом. И самое главное мое дело сейчас — помочь Моцарту.

— Еще чего, — возмущается Руслан. — Ты только восстанавливаешься. Вот увидишь, Анжелика дернет нас обоих на службу уже через пару дней. Нечего их тратить...

«На какого-то призрака» он не произносит, но эти слова явственно повисают в воздухе.

Хочу возразить, что я сама решу, что для меня важно, а что нет, но в этот момент автомобиль останавливается у одного из однотипных двухэтажных коттеджей.

— Вот и приехали! — торжественно объявляет Кондрашов.

Глава 17

— М-м... Шопен! — с восторгом восклицает Моцарт, когда мы входим в просторный холл, по которому плывет неспешная фортепианная мелодия. — Ноктюрн номер...

Он не заканчивает фразу, потому что нам навстречу выходит хозяйка. Даже дома она во всем великолепии: прическа, макияж, драгоценности, идеально выглаженный брючный костюм и лодочки на высоченной шпильке.

Хотя, может, наговариваю, и это мама так готовилась к приему гостей. Но, на мой взгляд, так встречают приглашенных на званый ужин, а не дочь с зятем, приехавших, как она сама выразилась, посидеть по-семейному.

— Инга, стоп! — командует мама системе «умного» дома, и музыка смолкает.

— Ну вот... — расстраивается Моцарт.

— Вернемся домой — включу тебе что-нибудь послушать, — обещаю ему вполголоса.

Кондрашов неодобрительно качает головой, но не комментирует. Для него призраки — это аномалия, которую необходимо убирать из нашего мира сразу по обнаружении. А моя дружба с Моцартом — нечто среднее между глупостью и блажью.

— Оленька! — Тем временем мама расплывается в радужной улыбке и, раскрыв объятия, движется к нам. Стучат

каблучки по выложенному глянцевой плиткой полу. — Дорогая! Ммм... ммм... — Целует в обе щеки, обнимает, а потом отклоняется на длину вытянутых рук, чтобы получше меня рассмотреть. — Похорошела, посвежела!

— Спасибо, мам. — Пытаюсь одновременно ей улыбнуться и строго глянуть на Моцарта. Удумал тоже: маячит за ее плечом и закатывает глазки, без слов демонстрируя, что думает по поводу этих телячьих нежностей.

А мама-то без каких-то особых способностей, понятия не имеет, что мы приехали втроем. Не хватало еще, чтобы она начала беспокоиться не только по поводу моей внешности, но и из-за психического здоровья.

Благо госпожа Романовская не слишком наблюдательна и быстро переключается на зятя.

— Русланчик! — Снова «чмок-чмок». — А ты-то как исхудал, осунулся — все нервы себе поистрепал переживаниями!

— А вот это бестактно, — уже без кривляний на полном серьезе оценивает ее слова Моцарт. И на сей раз я с ним согласна.

Зато Кондрашова, кажется, все устраивает.

— Милена Вадимовна, — смущенно тянет он, аккуратно сжимая хрупкое тельце тещи в ответ, — бросьте, нормально все со мной. Сейчас главное — здоровье Оли.

Глубоко вздыхаю, обмениваемся с Моцартом красноречивыми взглядами.

— Ой, да и правда! — вторит зятю моя мама, наконец перестав виснуть у него на шее. — Сейчас главное — Оленька. А ты у нас мужик хоть куда, тебе и море по колено.

По-моему, это уже совсем перебор, но Руслан улыбается, принимая комплименты.

— Может, ему на маме твоей надо было жениться? — брякает Моцарт. — Смотри, как они в одну дуду.

— Не хаами, — шиплю ему, почти не разжимая губ.

Он «невинно» разводит руками.

Вот только на сей раз мое поведение таки привлекает внимание мамы.

— Оленька, ты с кем? Что там говоришь?

Говорю, что кое-какому призраку пора научиться себя вести и не отсвечивать, когда не надо. Мысленно, конечно. Но, надеюсь, по моему взгляду он все понял.

— Ничего, мам, — улыбаюсь как можно шире. — Пойдемте уже обедать. Голодная с дороги — ужас.

К счастью, такой расклад маму более чем устраивает — обещала же меня откормить.

Ну, что сказать? План откормить меня как можно скорее проваливается с треском. На столе: запеченная утка, паштеты, стейки из мраморной говядины и мидии в белом вине. У меня к горлу подкатывает от одного вида этого «великолепия», не то что от запаха.

— И с каких пор ты вегетарианка? — напряженно вглядываясь в мое лицо, спрашивает мама. Сама она тоже не съела ни крошки, с ужасом наблюдая за тем, как я жую лист салата, закусывая его помидорами черри, — больше на этом столе мне есть нечего.

Пожимаю плечом.

— С недавних.

— Но это же!.. — Кондрашов стреляет в нее глазами и покашливает в кулак, и мама сдает назад, заканчивает мягче и тише: — ...совсем не полезно. Тебе нужны белки.

— Белок есть в бобовых.

— Да, Оля теперь любит фасоль, — поддерживает меня Руслан.

Поднимаю глаза и хочу его поблагодарить, но замираю: пользуясь тем, что я на них не смотрю, они с мамой многозначительно перемаргиваются.

— Думаете, я чокнулась? — спрашиваю прямо.

Пойманный с поличным, Кондрашов стыдливо румянится.

— Олюнь, ну, ты чего? Нет, конечно. Кушай свою фасоль. Ну, хочешь, я тебе целый ящик ее куплю? В томатном соусе, как ты любишь.

Кажется, уже не люблю...

— Спасибо, я как-нибудь сама, — огрызаюсь, откладывая нож и вилку, при помощи которых последние несколько минут пилила салат.

Мне становится тесно и душно — невыносимо. Я сама не понимаю, почему мой организм больше не хочет есть мясо и рыбу и воспринимает их как нечто мертвое и давно пропавшее. Да, это странно. Да, это не соответствует моим прежним привычкам. Но это же не преступление. Вот такая я теперь — кому от этого плохо?

— Извините... — произношу придушенно и отодвигаю от стола стул, намереваясь встать. Вот и посидели — по-семейному.

Но не тут-то было.

— Ольга! — ахает мама. — Ты что же такое творишь? Немедленно сядь!

— Ого, — удивляется за моим плечом Моцарт.

А я — сама не понимаю, как это происходит, — действительно опускаюсь на сиденье, с которого успела приподняться. Что это? Рефлекс, как у собаки Павлова?

— Милена Вадимовна, — пытается воззвать к здравомыслию тещи Руслан. — Не принимайте все так близко к сердцу.

Или НЕ пытается. Он что же, на ее стороне?

Смотрю на него, должно быть, по-совиному круглыми глазами и на полном серьезе не понимаю, как себя вести. Обидеться и уйти? Куда? В заснеженные поля, которые отделяют этот поселок от города? Я даже не помню, как водить машину, хотя, как утверждает Кондрашов, у меня есть водительские права. Или, может, гордо удалиться в холл? В гостиную? В свою детскую комнату, которая до сих пор осталась

за мной на втором этаже коттеджа, как успела обмолвиться мама? Что правильно и что повлечет за собой еще больший скандал, ведь мне совершенно не хочется ссориться? Но и терпеть нравоучения тоже нет никаких сил.

Так и не успеваю принять решение.

Мама вдруг всхлипывает и закрывает лицо руками.

— Ох, Русланчик... — Ее хрупкие плечи вздрагивают. — Я ведь так готовилась, ждала вас целую неделю... Марину гоняла с этой уткой... А она недавно у меня работает, рецепта не знает... Кое-как нашла... Я так хотела Оленьку порадовать...

— Она манипулирует тобой, пытаюсь вызвать у тебя чувство вины, — неожиданно по-взрослому произносит за моей спиной Моцарт.

И он прав, черт возьми!

А у нее получается...

— Ты ждала, а мы приехали, — глубоко вздыхаю, а потом заговариваю так спокойно, как только могу: — Просто я не хочу утку — только и всего. Все хорошо.

Руслан одобрительно мне улыбается, потом поворачивается к теще.

— Милена Вадимовна, мы вас очень любим, не расстраивайтесь.

Мамины плечи тут же перестают трястись.

— Ох. — Убирает руки от лица, вздергивает нос кверху и аккуратно промокает салфеткой под глазами, при этом при-

открыв рот и часто моргая. — Да и правда, Русланчик. Прости меня, Оленька. Что-то я расчувствовалась.

Кондрашов делает мне большие глаза. Да поняла я уже...

— Я тоже переборщила, — выдавливаю из себя улыбку.

— Ну, вот и хорошо. — Мама отражает ее, как зеркало.

— А давай мы тогда с тобой что-нибудь испечем? — предлагает, вмиг преисполнившись энтузиазма. — Как в детстве, а? Без всяких Марин и Дуняш. Что-нибудь такое, простое, но вкусное, раз уж ты не ешь эту дурацкую утку.

— И вовсе она не дурацкая, — ворчит Моцарт, который в призрачном состоянии способен только пожирать пищу голодными глазами.

— Отличная идея! — поддерживает выдумку Руслан.

А я... Я вдруг со всей отчетливостью вспоминаю тот момент, когда чуть не умерла: мокрый снег, холодный жесткий асфальт — и единственная связная мысль...

— «Яблочный снег»!

— Эм... Что? — Мамина идеальная бровь выгибается ломанной.

— «Яблочный снег», — повторяю, чувствуя, как улыбка на моих губах наконец-то становится настоящей — искренней, а все обиды отходят на второй план. Там, уверенная, что умираю, единственное, что я помнила, о чем думала, это были моя мама и лакомство, которое мы с ней готовили. — Такой десерт. Яблоки, взбитые белки... — продолжаю восторженно, уже чуть ли не ощущая вкус «Яблочного снега» на

языке. А мамино лицо вытягивается все сильнее с каждым моим словом. — Ну ты что? — В запале хлопаю ладонью по скатерти. — Мы готовили его с тобой, когда я была маленькой!

Я даже до сих пор помню рецепт: яблоки нужно очистить, покрошить на мелкие кусочки и варить в сладкой воде, затем размять вилкой, дать остыть и добавить взбитый яичный белок. И белую шапку «снега» над граненым стаканом тоже помню. И...

— Милая... — мама говорит негромко и осторожно, очень мягко, будто общается с кем-то больным или буйным. — Мы никогда не готовили с тобой этот «Яблочный снег». Мы пекли овсяное печенье.

У меня чувство, что весь мой мир разбивается вдребезги прямо в эту секунду.

И летит острыми осколками мне в лицо.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.